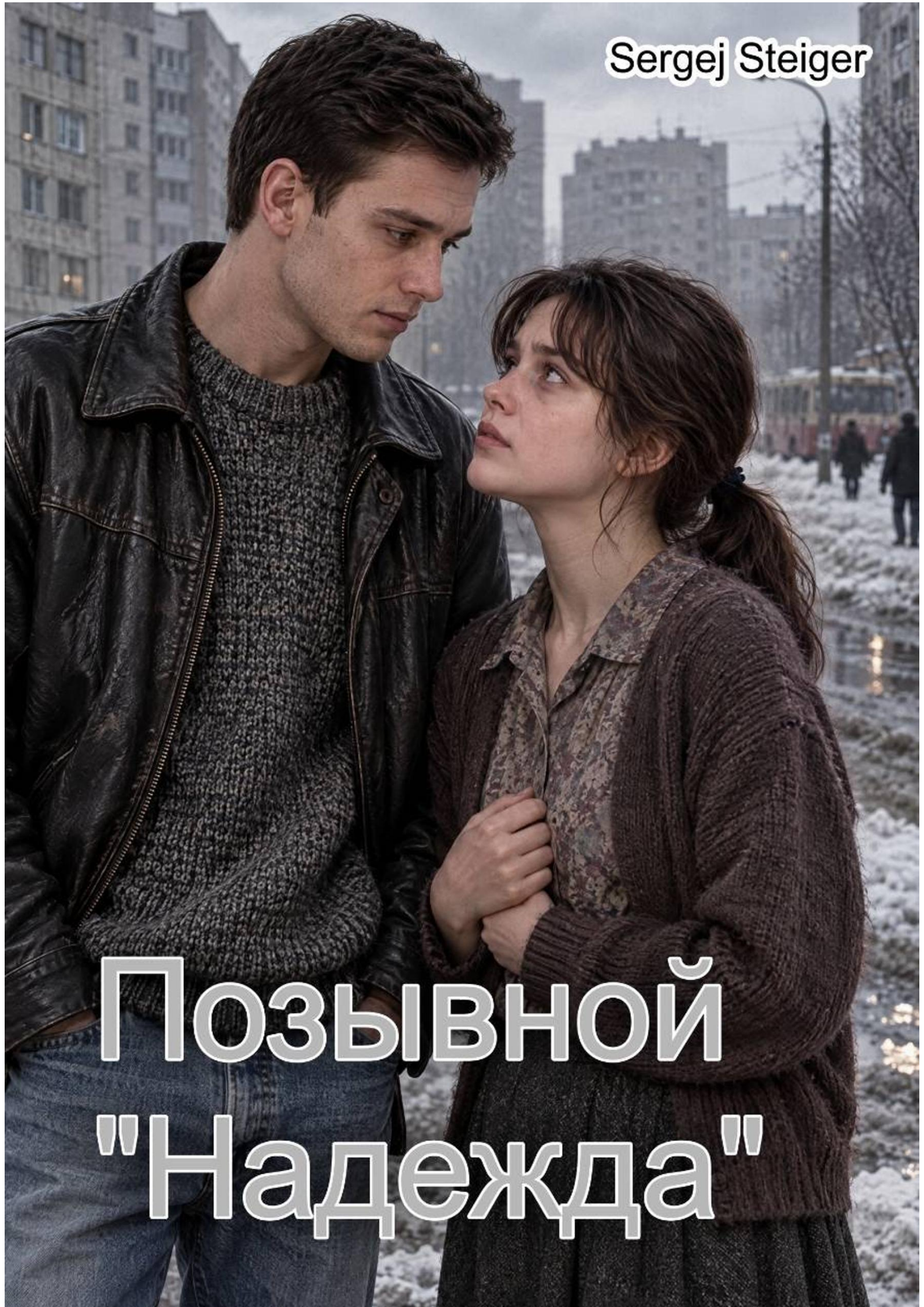

A young man and woman are standing in a snowy city street. The man, on the left, is wearing a dark leather jacket over a grey knit sweater and blue jeans. He is looking down at the woman. The woman, on the right, is wearing a brown knit cardigan over a patterned blouse and a dark skirt. She is looking up at the man. In the background, there are multi-story apartment buildings and a tram. The ground is covered in snow.

Sergej Steiger

Позывной "Надежда"

Sergej Steiger

Позывной "Надежда"

«Автор»

2026

Steiger S.

Позывной "Надежда" / S. Steiger — «Автор», 2026

Весна 1989 года. Михаил Шумский, сын кадрового военного, возвращается из Афганистана с орденом Красной Звезды, хромотой и памятью о погибшем боевом друге Юрке. Он уезжает учиться в Новосибирск, к бабушке, оставив позади гарнизон, где вырос рядом со Светой и Серёжей, своей «гарнизонной семьёй». Но война дотягивается и туда: в Карабахе погибает отец Сергея, а сам Сергей тяжело ранен. Лёгкость студенческих лет для Миши лишь маска, которая порой даёт трещину. В 1992-м междугородный звонок в Хабаровск сводит его с телефонисткой Надеждой, девушкой из бедной семьи, которая боится повторить судьбу своей тёти. Ради неё Миша отправляется в глухую новосибирскую деревню Алексеевку, где рождается любовь без игры и притворства и ответственность, страшнее любой засады. Бабушка Нади просит его беречь внуку, и это обещание становится для него важнее приказа. Повесть о том, как двое, которых жизнь научила не верить на слово, учатся доверять друг другу.

© Steiger S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Sergej Steiger

Позывной "Надежда"

Глава 1

Теплое майское утро. Восходящее солнце было еще скрыто серыми коробками казарм и домами офицерского состава. Воздух был наполнен ароматами трав с прилегающих к аэродрому полей, цветущей сирени из палисадников и веселым щебетом птиц. По тротуару вдоль центральной аллеи гарнизона шла молодая женщина в летнем бежевом платье и вела за руку мальчика лет пяти, одетого в голубую рубашечку с короткими рукавами и черные шортики. Мальчик шел быстро, в припрыжку, стараясь успеть за шагом матери.

- Мама, а почему у меня нет ни братика, ни сестренки? Вам с папой что, так трудно найти в капусте еще одного малыша? - спросил мальчик, глядя на маму снизу вверх ясными, доверчивыми глазами. Женщина ничего не ответила, только на секунду бросила взгляд на сына и чуть крепче сжала его ладошку. Так и не получив ответа от мамы, мальчик вздохнул, сорвал по дороге какую-то веточку и стал размахивать ей как саблей. Малыш еще не понимал, что иногда бывают такие детские вопросы, на которые у взрослых нет ответов. Этим маленьким мальчиком был Миша Шумский, поздний и единственный ребенок своих родителей.

В 1973 году семья Миши переехала в гарнизон 35-й отдельной гвардейской десантно-штурмовой бригады располагающейся в немецком городке Котбус. Миша помнил, как его отец, Геннадий Петрович, тогда в звании майора, пришел домой с серьезным лицом. Он о чем-то долго разговаривал с мамой на кухне. Миша никогда не лез в разговоры взрослых. Это была та отличительная черта характера, которую родители привили мальчику почти с пеленок. Он только спросил маму, когда взрослые закончили разговор и отец вышел на улицу покурить:

- Мам, а почему папа такой сердитый? Мы снова куда-то уедем?

Валентина Николаевна, мать маленького Миши, потрепала по его вихрастой голове и с какой-то тихой грустью сказала:

- Да, сынок. Мы снова переезжаем. Так надо.

Так надо. Для Миши это не было пустым звуком или родительской отговоркой. Лежа в своей кровати, Миша много раз слышал вой сирены, тяжелые отцовские шаги в коридоре, тревожный шепот матери. Он никогда не приставал к маме с вопросами "почему?". Только однажды, когда отец посадил его на колени, Миша серьезно спросил:

- Пап, скажи, почему ты уходишь, когда на улице что-то так страшно вое?

Отец посмотрел на сына, приобнял его за худенькие плечи и произнес слова, которые Миша запомнил на всю жизнь:

- Это сирена, сынок. Но ты не должен ее бояться, ведь ты же будущий солдат. А воеет потому, чтобы ты и другие дети могли спокойно спать. Ты спрашиваешь: почему я ухожу? Я ухожу, чтобы охранять наш дом, сынок, тебя и маму. Это моя работа. Это приказ. А для тебя приказ - оставаться дома и беречь маму, пока меня нет. Понимаешь? - И твердо, весомо добавил: - Так надо.

Миша внимательно посмотрел отцу прямо в глаза и кивнул. Так надо. Для Миши эта фраза было успокаивающей. Значит, он под защитой, он в безопасности. Эту фразу Миша отчетливо помнил, когда они так долго ехали на поезде. Как мама иногда плакала и вздыхала, думая, что сын не замечает ее слез. Как отец постоянно выходил в тамбур, курить. Сколько помнил Миша, мама никогда не упрекала отца за частые переезды с места на место. Потому, что приказ. Потому, что так надо. Пока ехали, Миша подолгу смотрел в окно. На меняющийся пейзаж, пролетающие мимо унылые полустанки, домики с черепичными крышами, ухо-

дящие к горизонту поля. Самым впечатляющим для Миши был момент, когда поздно ночью он проснулся от странного скрежета и толчков. Мальчик от страха закричал:

- Мама! Папа! Мне страшно!

Отец первым подошел к дрожащему сыну, успокаивающе погладил по спине и приподнял к окну:

- Не бойся, сынок! Смотри, нашему вагону просто меняют колеса.

Миша увидел, как вагон, в котором они ехали, под грохот и шипение вдруг оторвался от земли и поднялся в воздух. Через некоторое время он снова опустился. Это было неопишное чувство. Миша крепко схватился за шею отца и не отпускал, пока вагон снова не встал на место. За окном, в свете прожекторов, мелькали военные в незнакомых шинелях. Это была граница двух миров.

Поезд прибыл в Котбус точно по расписанию. Миша родителями вышел из вагона. Это была другая жизнь, отличная от той, что он привык видеть. Кругом звучала чужая речь. Висели красочные вывески с непонятными ему буквами. Внезапно к ним подошел офицер. Миша не обратил на него никакого внимания. Он неподдельным детским интересом оглядывался вокруг. Рядом стояли люди. Но они были другими, какими-то чужими. Чужим здесь было все: запахи, звуки. Через минуту мама потянула маленького Мишу куда-то в сторону от захватывающей его картины. Миша послушно следовал за ней. На привокзальной площади, среди блестящих, сверкающих лаком и никелем автомобилей, их уже поджидал угловатый армейский “уазик”. Миша хорошо в них разбирался. Ведь у его отца был точно такой же. Открылась задняя дверь и Миша восторженно запрыгнул на пахнущее дерматином сиденье. Когда тронулись, мальчик, прижав нос к окну, рассматривал узенькие улочки чужого города, фахверковые домишки, зеркальные витрины магазинов, вывески на цепях. Наконец, они выехали на окраину города, где за высоким бетонным забором, обнесенным колючей проволокой, скрывался военный гарнизон. Теперь он стал его домом. Надолго ли? Миновав массивные ворота, “уазик” проехав еще несколько сот метров, остановился у здания из красно-желтого кирпича. На крыше здания развивался красный флаг. Отец, забрав планшет, вышел из машины. Обернувшись, сказал матери:

- Валя, я быстро. Доложу командованию о прибытии, возьму предписание и сразу назад”.

Из окна “уазика” Миша видел огромную, идеально расчерченную белыми линиями площадь. На ней строем, четко печатая шаг, маршировала колонна солдат в синих беретах. Геннадий Петрович вернулся через полчаса. Подошел к “уазу”, открыл брезентовую дверь и с улыбкой сказал:

- Ну, что, семейство. Поехали обживаться. - В его руках поблескивала связка тяжелых стальных ключей. Он сел и скомандовал водителю: - К новым ДОСам.

Вечером, когда Геннадий Петрович возвратился из штаба уставший, но довольный, его семейство уже практически освоило, хоть и казенную, но все же свою квартиру. Пока родители разговаривали на кухне, Миша, уставший и полный впечатлений за день, уснул в своей кровати, обняв своего старого друга - плюшевого мишку. А за темным окном, где-то далеко, привычно прогревал моторы очередной военный вертолет.

Глава 2

Несмотря на усталость Миша еще не спал. Он слышал, как стеной тихо разговаривали родители. По звяканью чашек Миша понял, что мама заваривает отцу свежий чай. Значит, разговор будет долгим. Мальчик лежал, натянув одеяло до подбородка, и глядел в темноту. Рядом, на подушке, привычно устроился его верный друг - облезлый плюшевый мишка, который переезжал с ними уже третий гарнизон подряд. В голове мальчика крутился один и тот же вопрос, который он задал маме сегодня утром, когда они шли в детский сад и на который так и не получил ответа: почему у него нет ни братика, ни сестренки?

Миша знал: если мама молчит, значит, снова спрашивать ее бесполезно. Так уже не раз было. Когда он спрашивал, почему они опять переезжают, почему отец так долго не приходит домой, почему мама иногда тихо плачет по вечерам, думая, что он не видит. Задавая маме все эти вопросы, Миша видел один и тот же мамин взгляд. Усталый, добрый и одновременно чуточку грустный. И слышал ее ответ. Ответ, который объяснял все и не объяснял ничего: так надо, сынок. Так надо.

Его отец, Геннадий Петрович Шумский, был кадровым офицером, и, сколько Миша себя помнил, они редко жили на одном месте больше двух лет. Владивосток, Чита, Саратов, Рязань - названия этих городов, которые он слышал от родителей, калейдоскопом проносились в голове мальчика. Теперь к ним прибавился Котбус, куда они переехали совсем недавно. Мама, Валентина Николаевна, по профессии врач-гинеколог, находила работу в каждом новом гарнизоне - то в поликлинике, то, как сейчас, в родовом отделении местного госпиталя. Миша не слышал, чтобы мама хоть раз упрекнула отца за очередной переезд. Но этим поздним вечером, когда они разговаривали на кухне за плотно прикрытой дверью, Миша впервые услышал в голосе матери что-то похожее на усталость и раздражение, которую она скрывала от сына весь день.

Миша снова прислушался. Он не мог разобрать слов, только интонации: мамин голос, усталый, напряженный. И низкий, спокойный баритон отца. Ответы короткие, но твердые. Мальчик очень хорошо усвоил самое главное правило в их семье: лезть в разговоры взрослых нельзя. Это правило родители привили ему едва ли не с пеленок, и Миша привык не спрашивать, а просто ждать. Ждать, когда родители сами расскажут, если сочтут нужным.

Он повернулся на бок, обнял своего мишку. Мысли снова вернулись к братику или сестренке. Ему так хотелось, чтобы дома, кроме мамы, папы и старого плюшевого мишки, был еще хоть кто-нибудь. Кто-то, с кем можно было бы вместе разглядывать картинки в книжках, рисовать, играть в машинки и солдатиков. Или просто пошептаться перед сном, не боясь, что мама скажет: "Спи, поздно уже". Он видел, что у других ребят в гарнизонах были братья и сестры. Всякий раз, глядя на них, Миша чувствовал что-то похожее на зависть, только детскую, еще не до конца оформившуюся. Миша по-своему, по-детски страдал от одиночества. И чем старше он становился, тем сильнее ему не хватало ежедневного, ежечасного живого общения, которое так легко доставалось другим и так упорно обходило его самого стороной.

Быть может, именно поэтому Миша так потянулся к книгам. Когда ему исполнилось три года, Валентина Николаевна принесла для него "Букварь", взятый напрокат в гарнизонной библиотеке, и стала показывать сыну большие буквы, впечатанные в яркие картинки. Тогда восхищенному Мише почудилось, что перед ним не просто буквы, а настоящие сказочные существа. Еще не до конца это осознавая, мальчик стал тянуться к знаниям с такой ненасытной жадностью, с какой другие дети тянутся к игрушкам. Молоденькая воспитательница в прежнем гарнизонном садике, Леночка или Елена Дмитриевна, как звали её сами дети, заметив эту тягу, стала отдельно заниматься с Мишей по собственной методике. К переезду в Котбус пятилетний мальчик уже мог без запинки читать довольно объемные тексты, знал основы арифметики и старательно, хоть и не очень аккуратно, выводил буквы сам. Забегая вперед, стоит сказать:

писать красиво, как Елена Дмитриевна, Миша так и не научился, сколько он ни старался, но тяги к знаниям это не убавило.

Голоса за стеной наконец стихли. Миша, закрыв глаза, слышал, как скрипнул стул, как отец вышел на маленький балкон покурить, а мама тихо открыла дверь в комнату проверить, спит ли он. Миша притворился спящим и постарался дышать ровно, как он всегда делал в таких случаях. Мама секунду постояла в дверях, подошла, поправила съехавшее одеяло и легонько поцеловала его в макушку. Совсем как утром, только без слов.

Назавтра Валентина Николаевна повела Мишу в новый, незнакомый ему детский сад, а сама отправилась в гарнизонный госпиталь на свой первый рабочий день. Миша еще не был знаком с детьми других офицеров и потому тихонько сидел на стульчике в углу, с тоской наблюдая за игравшей неподалеку ребятней. И именно в это самое утро, Миша наконец решился на то, о чем он давно мечтал: если родители не торопятся исправить досадное недоразумение с братиком или сестренкой, он выберет их себе сам, без них.

В другом углу комнаты, за маленьким столиком, в полном одиночестве сидела девочка с жидкими косичками и умными карими глазами. Она, высунув от усердия язычок, что-то увлеченно рисовала цветными карандашами в большом альбоме. Миша поднялся со стульчика и решительно направился к ней. Он остановился перед ней и, пряча руки за спину, старательно не глядя на девочку, спросил:

- Привет. Я Миша. А как тебя зовут?

Девочка, не отрываясь от рисунка, просто ответила:

- Света.

Миша немного помялся. Он глядел то на девочку, то на непонятный рисунок в альбоме. Мальчик не знал, с чего начать разговор. Постояв секунду, он, краснея, произнес:

- Света, давай дружить? - и добавил тише: - Можно ты будешь моей сестренкой? Мне так хочется, чтобы... - договорить он не решился. Стоял перед ней, смущенный, с красными ушами, и ковырял носком сандалии деревянный пол. Света ничего не ответила. Она внимательно посмотрела на смущенного мальчика, вздохнула по-взрослому, неторопливо отложила альбом и карандаши. Встала, подошла к Мише, остановилась напротив него, теребя подол своего коротенького платяца:

- А ты правда хочешь со мной дружить? Мама мне всегда говорит, что мальчики такие вруны и хвастуны.

- А моя мама говорит, что все девочки - ябеды и зазнайки...

Миша и Света посмотрели друг на друга и весело рассмеялись. Уже через несколько минут они сидели вдвоем за столом, старательно вырисовывая линии и кружочки в альбоме Светы. Когда воспитательница стала звать детей на обед, Света вдруг взяла Мишу за руку и серьезно сказала:

- Миша, я тоже всегда хотела братика. Одной дома так скучно... - и ребята, взявшись за руки, побежали в столовую, где их ждал вкусный обед.

С Сережей Смирновым, сыном капитана Смирнова, они подружились после одного занимательного случая. Среди своих сверстников в гарнизоне худенький Сережа выделялся своим несносным характером, был задирой и драчуном. Как-то раз, когда группа готовилась к тихому часу, он незаметно подкрался к Свете и Мише, увлеченным тихой беседой, и больно дернул девочку за косичку. Миша, не раздумывая, бросился на защиту подруги и неожиданно для себя самого вlepил обидчику оплеуху. От неожиданности Сережа упал навзничь - он явно не ждал такого отпора. Миша, с покрасневшим от злости лицом, не дав ему опомниться, напел на него с кулаками:

- А ну, проси у нее прощения!

Сережа вцепился ему в рубашку. Под крики других детей они стали кататься по полу, яростно мутузили друг друга, пока их не разняла привлеченная шумом воспитательница.

Директор детского сада, разумеется, вызвала родителей для беседы. Дома Валентина Николаевна ни словом не обмолвилась о разговоре с директрисой и воспитателем. Только спросила сына:

- Ты хоть за дело подрался?

Миша, прикрывая ладошкой уже налившимся синевой фингал под глазом, хмуро кивнул:

- Да, мам, за дело. Он Свету обидел. А папа всегда говорил, что девочек нельзя обижать.

Их надо всегда защищать. А еще, мама, Света мой друг. Вот. - Услышав такой “взрослый” ответ сына, Валентина Николаевна притянула Мишу к себе, поцеловала его в макушку и ласково сказала:

- Защитник ты мой!

На следующее утро Сережа, видимо получивший нагоняй от отца, сам подошел к Свете и Мише. Миша хмуро смотрел на маленького забияку, не ожидая от него ничего хорошего. Внезапно Света заговорила первой:

- Скажи, почему ты дернул меня за косичку? Мне же больно было.

Сережа молчал, исподлобья поглядывая то на Мишу, то на нее. Наконец тихо произнес:

- Прости... Я не хотел... - он шмыгнул носом и покосился на ребят. Потом, видно, собравшись с духом, выпалил: - А можно мне с вами дружить?

Миша и Света переглянулись. Миша недоверчиво посмотрел на Сережу, но Света улыбнулась своей милой улыбкой:

- Можно. Только чур - меня за косички не дергать. И с Мишей не драться. Обещаешь?

- Обещаю, - еле слышно ответил Сережа и протянул ей свою маленькую ладошку.

Глава 3

Глава третья.

Повестка из комендатуры гарнизона пришла в начале мая, когда в палисаднике перед их ДОСом вовсю цвели, наполняя все вокруг ароматом, три посаженные когда-то яблоньки. Когда Миша вернулся из автомастерских, пропахший соляжкой и машинным маслом, первое, что он увидел, была сидящая на кухне мать, а на столе лежал тонкий серый конверт с гербом. Валентина Николаевна сидела не двигаясь, и смотрела на конверт так, будто в нем была не повестка, а смертный приговор. Миша подошел сзади, обнял за плечи, стараясь не касаться руками, испачканными в мазуте:

- Мам, ну, чего ты расстроилась. Это же не война, а просто служба. Два года пролетят, ты и не заметишь.

Валентина Николаевна подняла глаза на сына. Миша увидел, что она плачет. Тихо, без всхлипов, без причитаний. Она так сидела за столом, сразу как будто постаревшая на несколько лет из-за клочка бумаги, лежащего на столе. Вечером, когда отец собирался в очередную «командировку», между родителями случился разговор. Миша случайно услышал его через приоткрытую дверь кухни.

- Гена, ты же можешь освободить мальчика от армии, - голос матери дрожал, и Миша впервые в жизни услышал настоящий, животный страх. - У тебя же огромные связи в министерстве, в главном управлении, в генеральном штабе. Сделай же что-нибудь! Разве тебе не жаль сына?!

Между ними повисла напряженная тишина. Миша услышал тяжелый удар кулака по столу. Отец сделал это впервые за всю его жизнь.

- Валентина! Прекрати! Слышишь? - громкий баритон отца был хриплым от сдерживаемого гнева. - Я боевой офицер, полковник, всю жизнь защищавший Родину, должен из своего собственного сына сделать морального уродца, "генеральского" сынка?! Нет!! Он будет служить там, куда его пошлют! И это не тема для обсуждений. Я не хочу делать из него офицера - это его выбор, быть им или нет. Но отдать свой долг Родине его священная обязанность. Он будет служить как все, и точка!

Миша тихо сидел на своей кровати, глядя в темное окно. Его не напугали слова отца, скорее наоборот, в нем что-то зацементировалось. Словно он давно ждал и хотел услышать от отца именно эти слова. Он сын боевого офицера, и отец никогда не врал ему. И не собирался начинать сейчас.

Проводы были короткими. Это было твердое решение Миши, который не хотел устраивать из этого трагедию. На вокзале его провожали только свои: мать, беззвучно плачущая в платок, отец, стоящий чуть в стороне с прямой спиной и хмурым лицом, и, конечно же, Света и Сергей. Сергей должен получить свою повестку только в конце августа. Миша знал наверняка: капитан Смирнов, как и его отец, не станет «отмазывать» сына.

- Миха, ты, главное, не геройствуй там почему зря, - сказал Сережа, крепко, сжимая руку друга. - Слышишь? Возвращайся, и точка.

Света ничего не говорила. Она просто смотрела на Мишу своими умными карими глазами, теми же самыми, что и в детском саду за альбомом с карандашами. Потом порывисто обняла его и прошептала на ухо:

- Мишк, помнишь, что мы обещали друг другу на выпускном? Всегда держаться вместе, что бы с нами ни случилось. Я писать буду каждую неделю. И ты пиши, слышишь? Хоть две строчки.

- Буду, - пообещал Миша. Он еще не знал, что это обещание он не сможет выполнить. Ему казалось, что будет писать, чтобы это ему не стоило, при любых обстоятельствах, какие бы ни выпадали ему дальше.

Поезд дернулся и стал медленно набирать скорость. Через минуту фигуры, стоявшие на перроне, слились в одно неразличимое пятно. Миша, как когда-то в детстве, прижался лбом к холодному стеклу. Но теперь он был один, без родителей. Впереди его ждала не чужая, хоть и мирная Германия, а нечто совсем другое, о чем он мог только догадываться.

Учебное подразделение в литовском Гайжюнае встретило новобранцев дождем, грязью и голосом старшины, от которого закладывало уши еще на подходе к казарме. Первые недели дались Мише тяжелее, чем он мог себе представить. Домашний мальчик, школьный отличник, привыкший к мягкой, теплой постели и маминым вкусняшкам, теперь спал по четыре часа в сутки, вскакивал по команде “Подъем!” за сорок пять секунд и учился разбирать автомат Калашникова с закрытыми глазами.

Первую неделю он молчал. Усталость первых дней службы давила его, и он не находил в себе сил на разговоры с сослуживцами после отбоя. Но уже во вторую неделю выяснилось то, что не раз выручало его и в школе, и после нее. Миша, с детства привыкший к внимательному чтению, буквально на лету схватывал непростые терминологии уставов, довольно сложные инструкции к технике и руководства по стрелковому делу. Когда сержант в очередной раз объяснял, как устроена боевая машина десанта, больше половины взвода откровенно “плавала”, Миша уже мог по памяти назвать все части и механизмы. Он не стал любимчиком командиров, но заслужил молчаливое признание и уважение сослуживцев. Как оказалось, в армии, все-таки ум ценился не меньше, чем физическая сила.

Там, в учебке, в одной с ним казарме оказался парень из рязанской глубинки, широкоплечий, конопатый, с вечной ухмылкой на простом скуластом лице - Юрка Лемехов. Юрка был полной противоположностью Мише - шумный, веселый, за словом в карман не лез. Через две недели Юрка знал по имени чуть ли не половину роты. Он не умел долго злиться, умел долго грустить. Зато обладал уникальным качеством - умел безошибочно чувствовать, когда человеку плохо.

- Ну, чего приуныл студент? Команды “грустить” не было, - подсел он как-то к Мише в курилке, где тот в одиночестве писал очередное короткое письмо Свете. Кивнул на письмо: - Домой пишешь?

- Домой, - коротко ответил Миша.

- А у меня мать одна осталась. И сестренка. Батя давно ушел от нас, у него своя семья. - Обычно улыбчивое лицо Юрки стало серьезным. Но через секунду он снова расплылся в ухмылке. - Ничего, братан, вернемся на гражданку познакомлю тебя с моей сестрой. Огонь-девка, окрутит тебя в два счета. А ты меня со своей подружкой познакомишь, - он кивнул на письмо.

- Она не подружка, - буркнул нехотя Миша, - она мой друг детства.

- Ну да, конечно, - хмыкнул Юрка и хлопнул его по плечу. - Ладно, студент, пошли, а то старшина опять орать начнет.

С того дня они старались держаться вместе настолько, насколько это было возможно. Полгода незаметно пролетели, закончилась учебная подготовка. Вскоре объявили о переброске батальона на южное направление. Миша отлично понимал, что это значит. Афганистан. Юрка оказался в том же взводе, что и Миша. Для обоих это было единственной хорошей новостью за все время их подготовки.

Кабул встретил их сухим, обжигающим воздухом и каким-то странным запахом - смесь пыли, солярки и еще чего-то, тревожного, что мгновенно въедается в кожу. В первые несколько дней Миша, лежа на пыльной, пропахшей потом раскладушке в палатке под бесконечный гул электрогенераторов, вспоминал свое детство. Особенно тот момент, когда их вагон “переле-

тал” через границу Германии, а он, перепуганный и восхищенный одновременно, вцепился в шею отца. Тогда граница казалась ему чудом, это был переход из одного мира в другой, более сказочный. Но сейчас граница, которую он пересек, была совсем другой. Это была граница не между двумя странами. Граница между тем, кем он был, и тем, кем ему предстояло стать. Обратного пути уже не было.

Из Кабула их батальон на нескольких грузовиках перебросили в Баграм. Там же их сформировали по ротам для каждого каравана. Новый командир роты, с виду немолодой уже капитан с багровым шрамом через всю щеку, поставил задачу каждому командиру взвода. На следующее утро предстояло сопровождать колонну грузовиков через перевал Саланг. “Старики”, прикомандированные к сформированным взводам и уже принимавшие участие в сопровождении колонн, шепотом рассказывали, что на этом перевале только за два месяца погибло больше ребят, чем за все время их службы.

Первый караван, в котором участвовал Миша, по мнению их взводного, седого сержанта с лицом подростка, прошел спокойно, если не считать несколько одиночных выстрелов по грузовикам из-за камней на одном из склонов. Миша почему-то запомнил именно этот “тихий” рейс. Не потому, что что-то случилось. Скорее наоборот, потому что ничего не произошло. Он понял для себя, что существует страх и без выстрелов и взрывов. Страх ожидания, держащий тело в постоянном напряжении, заставляющий мозг просчитывать каждую минуту пути. Миша медленно крутил баранку своего ЗИЛа и отчетливо видел, как колонна грузовиков в сопровождении двух БТРов и трех БМД медленно вползала на серпантин, зажатый между скалой и обрывом. Невыносимая жара, казалось, плавил даже нависшие над дорогой скальные породы, хотелось пить. Но Миша упрямо стиснул зубы. Останавливаться нельзя. Остановка означала только одно - смерть. Отвлекать Юрку тоже не мог, чтобы не пропустить возможную опасность обстрела. А вокруг, не считая натужного гула грузовиков и рычания БТРов, стояла тишина. Настоящая зловещая тишина гор, которая давила сильнее, чем любой обстрел. Миша, следя за дорогой и за скалами, машинально коснулся рукой автомата. Сидящий рядом Юрка с “Калашниковым” между колен, напряженно всматривался в верхушки скал, где в любую секунду могли появиться незванные “гости”. За всю дорогу до и после перевала они не проронили ни слова. Наконец, ехавший в головном “Урале” старший колонны сообщил по рации о привале. Когда они уселись в тени ЗИЛа, чувствуя на себе “хэбэшки”, насквозь промокшие от пота под бронежилетами, Юрка протянул Мише флягу с теплой водой и сказал просто:

- Видал? Вот так теперь у нас каждый раз будет. Привыкай, студент.

Миша тогда так и не понял, что Юрка имел в виду - привыкать к тишине или к страху. Он понял это позже, когда привыкать уже не имело смысла.

Второй караван провели так же, как первый. Но Мишу не успокаивало это спокойствие, наоборот, еще больше усилило напряженность. Он поделился своими мыслями с Юркой. Тот лишь отмахнулся:

- Кончай панику, студент! Надо думать, что живыми вернемся. - И тут же хитро сощурился, - или со своей подругой знакомить раздумал?

Миша промолчал, но страхи никуда не исчезли. Все прошло наперекор его мыслям, в той же вязкой, тревожной тишине. Тот же серпантин, только на этот раз без выстрелов. Перед третьим караваном Миша без лишних слов попросил Юрку:

- Ты все-таки поглядывай по скалам, предчувствие у меня нехорошее. Короче, как увидишь что-то, сразу дай знать. Я плотней прижмусь к камням.

Юрка лишь усмехнулся:

- Ладно, паникер, уговорил.

Третий караван выдался тяжелее. Они шли в арьергарде, прикрывая колонну сзади. На повороте Миша увидел, как шедший в середине колонны БТР внезапно подпрыгнул, как на кочке. Из-под днища вырвался огонь вперемешку с черным дымом - сработал заложенный на

дороге фугас. Колонна мгновенно встала. Миша и Юрка выпрыгнули из кабины и приготовились к возможной атаке. Но вокруг было тихо. Через несколько минут колонна продолжила движение. БТР второго взвода, поврежденный фугасом, всю оставшийся путь тащил за собой БТР их взвода. К счастью, обошлось без потерь - только двоих контузило.

После третьего каравана их роте дали два дня передышки перед следующим. Миша не мог уснуть эти две ночи. Он несколько раз пытался написать домой. И всякий раз останавливался после первой строчки, не в силах подобрать нужные слова, которые не звучали бы откровенной ложью. В итоге отправил только короткую открытку матери: «Привет мам. Я жив и здоров. Не переживай за меня. Передай Свете мой привет и поцелуй ее за меня. Целую, твой сын Михаил». Это была первая весточка от него. Первая с момента его проводов. Смотревшие на Мишу сослуживцы замечали быструю, разительную перемену - не показную, но заметную: вчерашний «студент», всегда немногословный и вежливый, теперь вел себя иначе: по-другому двигался, говорил, стрелял. Вежливость и мягкость, бывшие в нем, не исчезли. Они просто ушли глубже, спрятались там, куда возможно годы спустя, проникнет только один человек.

С той же страшной тишиной провели четвертый караван. С каждым караваном Миша все увереннее держался на серпантине, почти не вздрагивал и не вжимался в баранку от одиночных выстрелов со скал. Он заметил в себе то, о чем постоянно предупреждал Юрка: страх не исчез сам собой. Он стал повседневным, будничным, как портянки или сухой паек. Но это пугало Мишу больше всего. Получается, к смерти рядом можно притерпеться, привыкнуть. Юрка тем временем окончательно освоился в роте. Перед каждым выездом он находил повод пошутить или рассказать очередную байку. Это был его способ преодолеть страх. Миша давно перестал удивляться его манере веселиться на пороге опасности. Наоборот, привычный Юркин басок перед посадкой в кабину стал для него вроде хорошей приметы.

Пятый караван начинался также обычно, как и предыдущие. Перед рассветом их разбудил голос прапорщика, дежурившего этим утром в казарме: «Рота подъем!». Миша быстро соскочил с койки, мгновенно натянул штаны, привычными движениями намотал портянки. Кинув на шею полотенце, он одним из первых вышел к умывальникам. Через секунду он услышал фырканье Юрки. Наскоро вытерев лицо полотенцем, Миша заспешил обратно в казарму, слегка поеживаясь от непривычно холодного утреннего воздуха, принесенного легким ветерком с гор. Быстро одевшись и получив полное снаряжение, Миша вместе с ротой уже сидел в наспех сколоченной «столовой», по-солдатски шустро расправляясь с завтраком, сделанным на скорую руку и обжигаясь горячим чаем. Юрка, как всегда, в это утро был, как говорится, в ударе. Он рассказывал про соседского бычка, решившего боднуть участкового, когда тот попытался пересечь поле в надежде сократить путь. Бычок не стал терпеть такой наглости и погнался за несчастным участковым. Юрка так описывал это бегство, что вся рота ржала, оглашая хохотом не только «столовую», но всю заставу. Наконец, дали отмашку.

- Ну что, студент, - подмигнул Юрка Мише, открывая пассажирскую дверь, - проводим караван и ты мне все расскажешь про свою Свету. Я уже заочно хочу с ней познакомиться.

- Дурак ты, Юрка, - беззлобно отмахнулся Миша, прыгая за руль своего «ЗИЛа».

Взрыв прогремел на середине перевала, там, где скалы подступали особенно близко к дороге. Шедший за головным «Уралом» КамАЗ вспыхнул почти мгновенно. За взрывом последовала автоматная стрельба со склоном, превратившаяся в огненный шквал - плотный, прицельный, не дающий даже поднять голову из укрытия. Миша, который вел «ЗИЛ» в середине колонны, мгновенно сориентировался. Он вытолкнул ошалевшего от стрельбы и взрывов Юрку из кабины и потащил его под свой грузовик. Спрятавшись за мотором ЗИЛа, он стрелял по невидимым в скалах «душманам», определяя их местоположение только по сверкающим звездочкам выстрелов. Вдруг в метре от себя он заметил небольшой скальный выступ. Это углубление, словно специально рассчитанное на двоих, давало им с Юркой возможность скрываться от пуль с одной стороны и вести огонь по «душманам» с другой, хоть как-то прикрываясь своим

“ЗИЛом”. Он через спину перекатился на другую сторону машины, туда, где Юрка отчаянно строчил из своего “Калашникова”. Он уже открыл рот, чтобы заорать Юрке, перекрывая грохот автоматных очередей. Но не успел. Прогремел страшный взрыв - подорвался стоявший в нескольких метрах позади них “наливняк”.

Мишу спас его почти звериный инстинкт самосохранения. За долю секунды до взрыва он краем глаза увидел дымный след и сразу поднявшийся и лопнувший огненный пузырь. Он изо всех сил отчаянно прыгнул за скальный выступ, свернулся калачиком и буквально вжался в каменную крошку на земле. Это спасло его от неминуемой смерти. Огненный вал, горящие брызги горючего, ошметки цистерны и детали от взорвавшегося грузовика как шрапнель с жутким воем пролетели над ним. Закрыв глаза, Миша ощутил дикий животный ужас. Он сучил ногами, корябал рассеченными в кровь пальцами каменную крошку, в которой лежал. Ему хотелось провалиться, исчезнуть, чтобы не слышать этого воя. Внезапно наступила полная тишина и он почувствовал, как из носа течет тоненькая струйка крови. Собрав всю свою волю в кулак, Миша выглянул из-за уступа. Его взору предстала ужасающая своей реальностью картина боя. Плавающие, в клубах черного дыма, основы грузовиков, лежащие в пыли и лужах крови тела его сослуживцев, без рук, ног, некоторые разорванные пополам. Мишу замутило при виде лежащих в крови внутренностей. Он еле-еле продавил спазм, вставший в горле. Медленно обвел взглядом колонну, точнее то, что от нее осталось. Взгляд остановился на его “ЗИЛе”. У переднего колеса с остатками мотора и скореженной рамы лежал обгорелый труп Юрки. Огоньки выгорающих капель бензина все еще пробегали по разодранному бронежилету, обнажая проломленную почерневшую грудь. Миша собрался уже ползти к нему, как сорвавшийся рядом кусок гранита, выбитый взрывной волной и остатком кардана “наливняка” сорвался со своего места и пригвоздил его левую ногу к земле. Миша заорал от пронзительной нечеловеческой боли. Но шум уже затихающего боя заглушил его крик. В его голове молнией пронеслось: “Вот и все мама. Вот и все”. От нестерпимой боли в ноге и от шока Миша провалился в темноту без стрекота автоматных очередей и смрадного запаха горелого мяса и бензина.

Глава 4

Миша не мог видеть, как огромный “Урал” на полной скорости пролетел, грубо тараня обгоревшие остовы грузовиков. Он не видел, как бойцы замыкающего взвода под прикрытием БРЭМов быстро прочесывают метр за метром, находя раненых и убитых. Он не видел, как замыкающий колонну БТР, на прощание дав два черных выхлопа, скрылся за поворотом серпантина. Сколько времени он пролежал без сознания? Час, три, пять? Ему повезло в тот день дважды. Гранитный уступ, на дне которого лежал Миша, надежно укрыл от внимательных глаз моджахедов, вышедших прочесать дорогу в поисках брошенного оружия или грузов с колонны. Двое из них, одетые в длинные мужские рубахи до колен, в просторных штанах, суконных жилетках, обмотанных пулеметными лентами, с пакулями на головах, прошли в двух шагах от выступа, не обратив на него никакого внимания. Один из них указал автоматом куда-то в сторону и что-то гортанно сказал другому. Немного постояв у выступа, они, наконец, ушли. До сумерек Миша несколько раз приходил в себя, хрипло стонал, его мучила жажда. Лежа в выемке, он трясущимися руками отстегнул фляжку с теплой, чуть горьковатой водой и почти полностью осушил ее. Миша снова впал в забытие, и фляжка с глухим стуком упала на каменную крошку.

Старик появился на дороге из темноты, как призрак. Луна холодным светом освещала его сгорбленную фигуру, ведущую маленького понурого ослика, запряженного в арбу с огромными деревянными колесами. Старик кутался в свой рваный халат и нетерпеливо погонял ослика. Холодный ночной воздух совсем не способствовал вальяжной прогулке. Он жил по ту сторону перевала, в крошечном кишлаке в предгорьях долины Хинжан. Его неизменным попутчиком был огромный, похожий на годовалого теленка, алабай с отрубленными ушами и уродливыми шрамами на свирепой морде и спине. Старик возвращался в кишлак с пастбища своего младшего сына, единственного в его семье. Он шел задумчиво, но ходко. Все его мысли были заняты убитым полгода назад старшим сыном, вступившим в отряды моджахедов. Старик не пытался его отговорить, он знал бесполезность этого разговора. Он, конечно, не принимал “шурави”, считая их очередными поработителями афганцев, но и не желал смерти своему сыну, вступившему на священный путь “воина ислама”. “О Аллах, за какие грехи ты посылаешь нам столько горя и несчастий” - губы старика медленно шептали, его смуглое, почти эбеновое, лицо, рассеченное глубокими морщинами, было серьезно и печально, глаза сами привычно находили дорогу между камней перевала. Внезапно, не доходя до поворота, алабай вдруг замер, ошетинился и глухо заворчал, показывая длинные желтые клыки. Старик, глядя на собаку, тоже насторожился и скинул с плеча старый английский карабин. Уверенным движением догнал патрон в патронник. Осторожно, стараясь не шуметь, стал подходить к скали-стому выступу. Алабай неотступно следовал за хозяином, готовый за секунду вцепиться в горло любому врагу, будь у него четыре ноги или две. Подойдя вплотную к уступу, старик различил еле слышный стон. Он заглянул в выемку. В свете луны старик увидел советскую форму, каску, автомат. “Шурави” - холодно подумал он. В груди старика мгновенно, как искра, вспыхнула страшная, глухая ярость. Перед его взором встает образ его старшего сына, убитого вот таким же “шурави”. Рука старика крепче сжимает цевье старого карабина. Сейчас он отомстит за смерть своего сына. Он отомстит за смерть тысяч афганцев. Старик, глядя в окровавленное лицо молодого солдата, медленно поднимает приклад, чтобы добить этого кяфира, принесшего войну в его дом. В это миг, когда возмездие, казалось, должно было покарать неверного, солдат издал слабый, хриплый стон. Старик еще мгновение стоял над головой лежащего солдата с поднятым для последнего удара карабином. Вдруг рука его медленно опустилась. Старик неподвижно посмотрел в закопченное, иссеченное мелкими камешками и покрытое кровью лицо. “Совсем еще мальчишка. Зачем ты здесь? Кто послал тебя сюда?”. Старик на секунду

закрыв глаза и опустился на колени. Ему показалось, что это не чужой солдат сейчас лежит перед ним, а его собственный погибший сын. Карабин выскользнул из сухих, морщинистых рук. Алабай, все это время сидевший позади старика, толкнул его носом и заворчал. Старик все еще стоял на коленях с закрытыми глазами, не в силах сделать хоть какое-то движение. Внутри его шла борьба. Внутренний голос шептал ему: “Убей! Ведь такой же как этот кяфир забрал жизнь твоего сына”. Но рассудок говорил свое: “Ты сможешь вот так убить беззащитного, раненого врага, который не может даже поднять оружие против тебя? Убив его сейчас, ты покроешь свое имя позором бесчестия. Твой сын, твоя гордость, был убит в честном бою, а не подло, под покровом ночи”. Ярость, ослепляющая старика, постепенно прошла. Старик открыл глаза, снова посмотрел на израненного солдата: “Жизнь этого мальчика не вернет мне моего сына, но и его смерть не утешит мою душу и не даст мне спокойствия”. Он тяжело поднялся с колен и еще долго стоял над Мишей, вслушиваясь в его редкое, хриплое дыхание. Потом, кряхтя, с большим трудом отвалил обломок гранита, придавивший ногу. Стянул поясной платок с халата, стянул им ногу, чтобы унять кровь. Оставив верного пса сторожить раненого, привел из темноты свою арбу и, обхватив Мишу под мышки, кое-как затащил его на дощатый настил, оставив лежать среди мешков с сеном. Подобрал свою винтовку и автомат Миши, старик заспешил к выходу из ущелья.

Дорогу до ближайшего блокпоста старик знал наизусть. Он исходил ее десятки раз, гоня овец мимо застав и блокпостов, где его давно знали в лицо. Он гнал ослика всю ночь, останавливаясь лишь тогда, когда стоны Миши становились совсем невыносимыми. Тогда прикладывал к его губам свою флягу с прохладной водой, набранной в горном ручье, что-то бормоча на своем непонятном языке.

Перед самым рассветом часовой блокпоста разглядел в предутренней дымке силуэт арбы, медленно ползущей к воротам. Он немедленно поднял караул по тревоге. Когда солдаты выскочили навстречу старику с автоматами наперевес, он остановил осла и, не говоря ни слова, махнул рукой в сторону лежащего на мешках Миши. Солдаты, суетсяь, быстро забрали раненого с арбы и понесли в сторону блокпоста. В суматохе никто и не заметил, как исчез старик, а с ним и ослик с арбой. Он ушел, не дожидаясь благодарности за спасение еще одной жизни. Он просто растворился в рассветных сумерках так же, как появился. Никто так и не узнал имени этого старика. В служебном донесении о раненом сержанте Шумском появилась сухая казенная строчка: «доставлен неустановленным местным жителем». За этой строчкой навсегда осталась тайна неизвестного старика, потерявшего своего сына на этой войне и спасший жизнь чужому сыну. Своим поступком старик словно вернул долг ушедшей жизни, доказав, что у настоящей отцовской скорби нет национальности, а у истинного сострадания не существует границ.

Миша не запомнил почти ничего из той ночи. Позже, уже в госпитале, из обрывков своих видений и тех немногих сведений, что удалось узнать от ребят с блокпоста, у него сложится нечеткий, полу размытый образ: скрип колес арбы, небо с крупными звездами над головой, качающееся в такт шагам ослика, и чье-то темное морщинистое лицо, склонившееся над ним при свете луны, то ли наяву, то ли во сне. Миша так до конца и не смог понять, было ли это на самом деле или это была спасительная галлюцинация измученного ноющей, нестерпимой болью мозга. Но всю оставшуюся жизнь, вспоминая тот перевал, ему будет приходиться во сне это лицо, лицо его спасителя, имя которого он так и не узнает.

Очнулся Миша уже в кабульском госпитале, в палате с серыми стенами и пыльными окнами, на узкой койке с продавленным матрасом, среди десятков таких же коек с лежащими в бинтах ранеными. Первое, что он почувствовал, была не боль, а странная, звенящая тишина в голове, словно уши были набиты ватой. Голоса вокруг доносились глухо, как через толщу воды. Боль пришла потом. Тупая, пульсирующая, поднимающаяся от левой ноги волнами, каждая из которых накрывала его с головой.

- А, очнулся, герой? Ну, здравствуй, - хирург, пожилой майор медицинской службы с усталым серым лицом, склонился над ним, освещая зрачки небольшим блестящим фонариком. - Контузия у тебя, брат. Хоть и легкая, но недельку в ушах звенеть будет. А вот с ногой... - Майор нахмурился и замолчал.

- Что с ногой? - хрипло спросил Миша. Голос был чужой, будто не его собственный.

- С ногой, брат, пришлось повозиться, - коротко ответил хирург, избегая настороженного, требовательного взгляда Миши. - Кость у тебя раздроблена была аж в трех местах. Ну, собрали, что смогли. Главное, ходить будешь. Без костылей. А вот бегать... Про бег, брат, забудь. Навсегда.

Он сказал это буднично, без сочувствия в голосе. За годы войны такие разговоры превратились для майора в рутину. Он легонько похлопал Мишу по плечу и пошел дальше, к соседней койке, где кто-то тихо стонал сквозь забытие. Миша остался лежать, глядя в шершавый сероватый потолок. Впервые по-настоящему к нему пришло осознание: обратной дороги в роту для него уже не будет. Эта мысль, на удивление, далась ему совершенно легко. Миша прислушался к себе: в душе не было ни отчаяния, ни жалости к себе. Было только опустошение, похожее на выжженное поле после пожара. Он лежал и думал о том, что до этой войны у него была одна жизнь - жизнь с четкими ориентирами. Была мечта вернуться, окончить институт, жениться, работать, растить детей. Теперь та, прежняя, жизнь казалась чужой, будто все это было не с ним, а с другим Мишей, которого уже не существовало. Прежний, Миша погиб вместе с Юркой на том перевале. А нынешний, раздробленной ногой и ватой в ушах еще даже не знал, кем ему предстоит стать.

По ночам, когда госпиталь затихал и только изредка слышались стоны раненных и шаги дежурной медсестры, Миша снова возвращался в тот бой. Не полностью, обрывками, яркими вспышками - огненный шар над цистерной, невидимая обжигающая волна, жуткий вой осколков над головой, разорванные тела ребят его взвода, обгорелое до неузнаваемости лицо Юрки. Миша с криком просыпался в холодном поту, с дико колотящимся сердцем. Он подолгу лежал, всматриваясь в темноту, пока с сильный стук в висках не проходил и дыхание не успокаивалось. Контузия давала о себе знать не только звоном в ушах. Иногда без видимой причины у него начинала кружиться голова, а перед глазами на секунду темнело. Это происходило с пугающей регулярностью, как правило днем или под вечер. Врачи сказали, что это пройдет, не сказали только, когда именно.

Через две недели состояние Миши уже достаточно стабилизировалось. Его вместе с другой партией тяжелораненных погрузили в военно-транспортный самолет для эвакуации в Союз. Ташкентский госпиталь, куда он попал, встретил его совсем другим воздухом. Не выжженным афганским зноем, а по южному мягким, с запахом цветущих чинар за окном палаты. После пыльного, вечно спешащего Кабула здешняя тишина казалась Мише почти неправдоподобной. Именно здесь, в Ташкенте, к нему вдруг пришло тягостное чувство вины перед погибшим Юркой, перед его матерью и сестрой, которых он не знал и вряд ли когда-нибудь узнает, перед другими ребятами его взвода. Теперь его мозг каждый день, каждую минуту выжигала мысль: он живой, а они так и остались на этом проклятом перевале. Мальчишки, в сущности, его боевые товарищи. Их нет, а он жив. Юрка? Ведь он мог спасти его, толкнув в ту самую выемку за выступом. Тогда Юрка остался бы жив... А он? Миша в такие минуты сидел, качаясь, на койке и сжимал руками виски от пульсирующей душевной боли.

Письмо матери Миша писал долго, по несколько раз переписывая одну и ту же строчку. Рука дрожала от волнения - врать было непривычно тяжело, тем более собственной матери. В конце концов Миша еще раз перечитал готовый текст. Письмо вышло коротким:

“Здравствуй, мама. У меня все в порядке, не переживай. Меня перевели служить на новое место, здесь спокойнее. Возможно, скоро будет еще один перевод, может быть, даже в Москву. Если переведут, напишу подробнее. Обо мне не волнуйся, служба идет нормально. Целую тебя

и папу. Твой сын Михаил”. Подумал и сделал приписку: “P.S. Мама, передай Свете от меня огромный привет. Скажи, что я помню о ней. Поцелуй ее за меня. М.”

В своем письме он специально не написал об Афганистане, о ранении, о госпиталях. Только сухие, обтекаемые слова, за которыми все-таки скрывалась какая-то недоговоренность. Он знал наверняка. Мать получит письмо и не станет вдумываться в смысл между строк. Раз с сыном все хорошо, значит она спокойна. Хватит ей переживаний об отце. Миша не хотел понапрасну тревожить сердце матери. Для него, как сына, гораздо важнее ее спокойствие. И еще одно, что заботило Мишу. Ведь он дал слово Свете писать ей регулярно, а сам не выполнил свое обещание. Он надеялся, что Света после его честного рассказа о своей службе поймет и простит своего близкого друга.

Москва встретила Мишу зимним, промозглым ветром и знакомым до боли, но каким-то уже чужим русским говором. После обжигающего зноя Кабула и мягкой ташкентской зелени, в московском госпитале Миша отметил серые сугробы за окном, писк капельниц, шарканье ходячих раненных по бесконечным больничным коридорам. Здесь, в отличие от южных госпиталей, было спокойно и как-то основательно. Именно здесь долечивали и решали дальнейшую судьбу военнотружущих.

Военно-врачебная комиссия заседала три дня. Мишу вызывали на осмотр дважды. Мяли ногу, заставляли сгибать и разгибать колено, простукивали молоточком, задавали вопросы про головокружения и головные боли, которые пока еще накатывали без всякой причины. Наконец, на третий день, седой полковник медицинской службы, не поднимая головы от бумаг, произнес сухим казенным голосом:

- Сержант Шумский. Годен к нестроевой службе. Хромота останется. К сожалению, кость сломалась неидеально, укорочение конечности на полтора сантиметра. Дальнейшее прохождение воинской службы в ВДВ не представляется возможным. Полностью комиссован.

- Что?! Никак нет, товарищ полковник! - Миша непроизвольно подался вперед и встал, забыв, что перед начальством положено сидеть смирно. - Я прошу пересмотреть решение комиссии. Я еще могу служить. Нога почти не беспокоит. Я тренируюсь, разрабатываю ее каждый день...

- Сержант, сядьте... Сядьте. - Полковник, наконец, поднял голову от бумаг. В его усталых глазах не было ни раздражения, ни удивления, только тяжелая, застарелая усталость. Миша сел, спина напряжена, руки, лежащие на коленях, мелко подрагивали.

- Товарищ полковник, там остались ребята моего взвода! - голос Миши сорвался, впервые за долгие месяцы прорвалось наружу то, что он тщательно скрывал даже от самого себя. - Мой друг Юрка Лемехов... Он погиб у меня на глазах! Я должен туда вернуться! Я должен отомстить хотя бы за него! Вы слышите?! Должен!! - Миша снова вскочил. Он уже не говорил, он кричал. Это был крик отчаяния.

В кабинете повисла тишина. Полковник отложил ручку, снял очки и устало потер переносицу. Такой разговор был для него не первым за долгую практику. И, скорее всего, не последним.

- Товарищ сержант. - Голос полковника стал тише, но в нем звучала та же твердость. - Вы и так уже сполна отдали свой долг Родине. Больше, чем многие. А что касается мести... Запомните мои слова, запомните на всю жизнь: война не означает месть. Это значит выполнить приказ и остаться в живых. Вы свой приказ выполнили. Вы хотите вернуться? - он усмехнулся, невесело, одними губами. - Вернуться туда Вы сможете только, если заново родитесь. Но не с такой ногой. Решение комиссии окончательное и обжалованию не подлежит. Вы свободны, товарищ сержант. И мой Вам совет: живите за себя и за тех, кто навсегда остался там...

Миша еще несколько секунд стоял, сжимая кулаки, чувствуя, как внутри все клокочет, то ли злость, то ли отчаяние. Он медленно, тяжело опустился обратно на стул. Полковник уже вернулся к бумагам, будто разговора и не было вовсе.

Слово “комиссован” ударило по Мише сильнее, чем он ожидал. До этого он ни секунды не сомневался, что вернется туда, на перевал. Ровно до того момента, пока полковник не произнес это слово вслух. Сейчас это слово ставило окончательную точку в том, что Мише еще казалось не до конца случившимся. Пока шло его лечение, пока тянулись дни в госпиталях, часть его сознания продолжала жить в пограничном состоянии - между тем Мишей, что был до войны, и тем, кем ему предстояло стать. Со словом “комиссован” неопределенность закончилась. Отныне и на всю оставшуюся жизнь он уже не сержант ВДВ Михаил Шумский, а гражданский с инвалидностью и правом на пенсию, к которой он не знал, как относиться.

Спустя два дня после разговора с полковником в палату к Мише в сопровождении медсестры и дежурного врача зашел неожиданный гость. Моложавый подполковник из штаба ВДВ с кожаным портфелем и небольшой картонной коробкой. Подойдя к Мише, недоуменно сидящему на своей койке, он сел на прикроватный табурет, представился и достал из портфеля какие-то бумаги. Он коротко, по-деловому, зачитал приказ Министерства обороны “...за мужество и героизм, проявленные при отражении нападения на колонну...” и вручил Мише орден Красной Звезды и удостоверение к нему. Затем следом, почти без церемоний, положил на тумбочку медаль “Воину-интернационалисту”.

- Поздравляю, товарищ сержант, - сказал подполковник суховато, но без равнодушия. - Вы заслужили.

Миша повертел в руках маленькую красную звездочку на колодке, еще пахнущую свежим металлом. Странное, почти отстраненное чувство охватило его. Как будто эта награда предназначалась не ему, а тому, прежнему Мише, оставшемуся на перевале, вместе с Юркой. Если бы кто-нибудь спросил у него, поменял бы он этот орден на жизнь Юрки, ответ был бы однозначным и до боли очевидным.

В тот же вечер, сидя на своей койке в опустевшей на ночь палате, он наконец написал матери правду. Писал долго, зачеркивая целые абзацы. Начиная заново. Он не хотел, чтобы это выглядело жалобой или подвигом. Он хотел одного - когда он вернется домой, его встретили таким, каким он вернется.

“Мама, в прошлом письме я написал неправду. Я обманул тебя. Не было никакого нового места службы. Я сопровождал караваны в Афганистане, был тяжело ранен в последнем бою. Лежал в госпитале в Кабуле, потом в Ташкенте, сейчас долечиваюсь в Москве. Врачи говорят, буду хромать, но ходить буду нормально. Я полностью комиссован мама. Домой возвращаюсь насовсем, так и не дослужив положенный срок. Прости меня, что не написал сразу. Не хотел, чтобы ты волновалась, что ничем не можешь помочь. Скоро буду дома. Обнимаю тебя и папу. Миша”.

Письмо он отправил на следующее утро - вместе с телеграммой, в которой коротко сообщил дату и номер поезда до Котбуса.

Глава 5

Поезд подходил к Котбусу под вечер, когда на город уже опускались сумерки. Миша в форме сержанта ВДВ стоял у окна в тамбуре, опираясь на трость, которую ему выдали в московском госпитале. Для Миши она была непривычной, чужой вещью, которую он всю дорогу порывался где-нибудь оставить, но всё не решался. Нога тупо ныла от долгого сидения, но он специально вышел в тамбур заранее, чтобы не хромать по проходу вагона на глазах у попутчиков, разглядывавших его новенький орден, медаль и одну красную нашивку на кителе с тем особым, неловким любопытством, каким разглядывают вернувшегося с войны.

Ярко освещенный перрон был практически пуст. Миша вспомнил, на его проходах весной он был шумный и многолюдный. Сейчас же лишь у самого края, там, где должен был остановиться его вагон, стояла небольшая группа людей. В одной фигуре, стоящей чуть впереди, с неестественно прямой спиной, Миша мгновенно узнал отца. Поезд, дернувшись, остановился. Миша, стиснув зубы, стал спуститься по ступенькам, стараясь беречь ногу. Одновременно он пытался показать, что с ногой все в порядке. Но обмануть своих родителей ему не удалось. Как только его нога коснулась перрона, он невольно покачнулся. Оперся о трость, ища опору. Лицо Валентины Николаевны исказилось так, будто ее ударили наотмашь.

- Мишенька! Сыночек! - Валентина Николаевна, всхлипнув, бросилась к нему, забыв обо всем. Обхватила руками сына, прижалась лицом к его груди. Миша почувствовал, как она вся дрожит. - Мишенька, сынок... ты живой... - Она плакала, почти беззвучно. Но слезы матери, капавшие на его китель, на орден, жгли, словно раскаленные капли бензина из взорванного «наливняка» там, на Саланге. Миша обнял ее одной рукой, второй по-прежнему опираясь на трость. Он гладил мать по спине, повторяя тихо, как в детстве:

- Ну всё, мам... всё... я тут, я дома.

Через ее плечо он увидел отца. Он стоял в парадной форме, в нескольких шагах от них, не двигаясь. Впервые лицо старого полковника выражало не привычную сдержанную суровость офицера, а что-то незащитное, почти детское. Валентина Николаевна наконец отстранилась, вытирая слезы. Она снова и снова оглядывала сына. Как он слегка прихрамывает, как неуклюже опирается на трость, как неловко держит вес тела. Она снова всхлипнула, но уже тише, зажимая рот ладонью.

- Мам, - Миша взял ее за руку, - ну хватит. Я живой. Ну, подумаешь, хромаю немного. До свадьбы заживет.

Геннадий Петрович подошел ближе. Он остановился в шаге от сына, оглядел его с головы до ног. Глаза скользнули по лицу Миши: осунувшемуся, возмужавшему за несколько месяцев. Его взгляд переместился на орден, нашивку и, наконец, на трость. Он медленно взял сына за плечи. Что-то дрогнуло в бравой выправке старого полковника. Миша, к своему удивлению, увидел, как у отца, всю жизнь презиравшего слабость и учившего ее никогда не показывать, на глазах блеснули слезы.

- Ну, здравствуй, сын, - голос отца прозвучал непривычно хрипло. Он крепко, до боли, обнял Мишу, и в этом объятии не было ничего от военной сдержанности. Только страх, копившийся месяцами за сына, которого сам же и отправил служить, как положено, без всякой «брони». Миша тоже обнял отца, по-мужски, сдержанно:

- Здравствуй, пап.

Внезапно из-за спины отца донесся звонкий, срывающийся голос:

- Мишка!!

Света вылетела откуда-то сбоку и, не дожидаясь своей очереди, повисла у него на шее, чуть не сбив с ног. Миша едва успел опереться на здоровую ногу.

- Мишк, живой! Живой, чертяка! - Света то смеялась, то всхлипывала, колотя его кулачком по плечу. - Ты хоть знаешь, сколько я тетя Вале звонила?! Каждую неделю! "Тетя Валя, есть что-нибудь от Мишки?" А ты... - она отстранилась. Разглядела трость, орден, нашивку. Ее голос вдруг перешел на шепот, словно она не верила увиденному. - Мишк, что у тебя с ногой?

- Ерунда. Просто ранение, - с улыбкой ответил Миша. - Заживет, Светуль. Не бери в голову.

- Тебя ранили! - Света говорила, словно сама себе утверждала очевидный факт. Она снова притянула Мишу к себе, но уже осторожнее, словно боялась сделать ему больно. - Я ведь чувствовала... Чувствовала, что что-то не так! Не писал, не звонил... А тетя Валя все свое: "слушит, наверное, просто некогда ему", а ты... там...

- Прости Светуль, - тихо сказал Миша. - Понимаешь, я не мог написать раньше. Не хотел пугать. Чтобы вы тут с ума не посходили из-за меня.

- Дурачок ты, Мишк, - беззлобно шепнула Света в ответ, не отпуская его. - Мы и так с ума посходили. Без всяких писем.

Миша смотрел на милое лицо Светы, ее карие, лучистые глаза, ее звонкий голос. Как ему не хватало ее сестринской заботы, ее участия там, в суровых и грозных горах Гиндукуша. Сейчас рядом с мамой и Светой Миша ощущал ту душевную, семейную, чисто женскую теплоту и он был счастлив. Геннадий Петрович первым опомнился. Он вдруг сразу посуровел, окинул взглядом перрон. Он снова стал не просто отцом, а офицером.

- Ну все, хватит тут стоять, - сказал он, беря из рук Миши небольшой чемодан. - Дома еще наговоримся. Поехали.

Света держала Мишу за руку всю дорогу до машины, не выпуская ее ни на секунду. Как будто боялась, что он снова исчезнет, стоит ей только отвернуться. Валентина Николаевна молча шла с другой стороны, то и дело поглядывая на трость, на то, как сын слегка прихрамывает. Но она сдерживала себя, зная, что сын не потерпит ничьей помощи. На пустой привокзальной площади одиноко стоял все тот же отцовский "уазик". Увидев пустую кабину, Миша заметно удивился:

- Пап, ты что, пока меня не было, уволил своего водителя?

Геннадий Петрович посмотрел на сына, уголки его губ немного приподнялись:

- Ну, зачем же так радикально, - с плохо скрываемой усмешкой ответил он. - Дал ему полсуток свободного времени. Садись, сынок. Я сам поведу.

Когда все расселись, "уазик" медленно выехал с площади и покатил по вечернему Котбусу. Те же узкие улочки, черепичные крыши, редкие фонари. Миша сидел впереди, с вытянутой ногой, насколько позволяло пространство. Геннадий Петрович внимательно глядел на дорогу, замечая боковым зрением, как напряжена спина сына, как его внимательный взгляд перебегает с одной крыши дома к другой, как ладонь сжимает трость, словно она цевье автомата. Привычка всюду чувствовать опасность, пока она не проявилась. Даже здесь, в мирном Котбусе. Геннадий Петрович молча вел машину, изредка останавливаясь на светофорах или пропуская встречные машины на перекрестках. Он сам недавно вернулся из Сирии, где провел вдали от жены почти полтора года. Вернувшись назад, Геннадий Петрович дал слово, что это последняя его "командировка". Он очень хорошо понимал сына. Не раз он испытывал на своей шкуре такие резкие переходы от войны к мирной жизни. Он снова и снова украдкой поглядывал на сына. Ничего, еще пара месяцев и пообвыкнет жить без свиста пуль и грохота разрывов. Света с Валентиной Николаевной ехали сзади и всю дорогу тихо переговаривались о чем-то своем, незначительном. Будто специально заполняя тишину кабины словами, лишь бы не молчать. С заднего сиденья доносились обрывки разговора. Света рассказывала Валентине Николаевне про какую-то знакомую, недавно вышедшую замуж. Миша поймал себя на мысли, что этот пустой, домашний разговор звучит для него как что-то давно забытое, из другой, довоенной жизни. Проехав массивные ворота КПП, машина свернула к дому. Знакомый

двор, знакомые окна второго этажа. На кухне горел свет, хотя дома никого не было. Видимо, нарочно оставили, чтобы возвращаться в темную квартиру.

- Приехали, - сказал отец, глуша мотор. Геннадий Петрович снова стал полковником, собранным, решительным, твердым. Света под благовидным предлогом попрощалась с Геннадием Петровичем и Валентиной Николаевной. Подойдя к Мише, посмотрела ему в глаза:

- Мишк, обещай, что ты больше не пропадешь надолго. - Света лбом уткнулась ему в плечо. Миша погладил ее по волосам и мягко сказал:

- Обещаю, Светуль. Теперь мы вместе. Надолго. Лишь бы... - Миша не договорил, но Света поняла. Он беспокоился о Сергее. Он догадывался, что друг то же, как и он, проходит службу в частях ВДВ. Одному Богу известно, где он сейчас и что с ним. "Только не как с Юркой" - мелькнула мысль и исчезла. Словно само сознание боялось повторения уже пережитого, перегоревшего. Света легонько отстранилась, крепко сжала его руку:

- Не думай о плохом, Мишк. - Она снова подняла на него глаза. Грустные, тревожные. - Ты же вернулся. И он вернется. Я знаю. Я верю. - Она привычно коснулась губами щеки. Помахала еще раз на прощание родителям и побежала в сторону гарнизонного госпиталя.

В квартире пахло, как всегда, котлетами и выпечкой. Как в детстве, домашним, надежным. Валентина Николаевна сразу же захлопотала у плиты. Она не могла усидеть на месте: надо накормить сына с дороги. Геннадий Петрович молча сел за стол, положив перед собой руки - крупные, крепкие, но уже с заметной сеткой морщин, которых Миша раньше не замечал.

- Садись, сын, - сказал он. - В ногах правды нет.

Миша сел, вытянул раненую ногу в сторону. Трость прислонил к стене. Ему не хотелось, чтобы она маячила перед глазами весь вечер. Валентина Николаевна поставила перед Мишей тарелку с котлетами и жареной картошкой, положила на стол хлеб, налила в стакан свежий чай. Присела рядом, не сводя с него глаз.

- Ешь, сынок, - ласково сказала она. - Исхудал весь, одни глаза остались.

Есть не хотелось. Миша, чтобы не обидеть мать, взял вилку и отломил кусочек котлеты. Ему просто хотелось сидеть за столом, в тепле, слушать тихий звон посуды и ни о чем не думать. Геннадий Петрович, отпив глоток чая, заговорил первым. По его тону было понятно, он готовился к этому разговору заранее.

- Сын, я хочу тебе сказать вот что, - начал он, глядя куда-то в сторону. - Я верю, что ты поймешь мое решение о твоей службе и не станешь осуждать своего старого отца. - Геннадий Петрович сглотнул комок и снова отхлебнул чай. Его зубы чуть стукнули о край стакана. Миша долго смотрел на него, оставив вилку с нетронутой котлетой. Потом положил свою ладонь на его руку:

- Я понимаю, пап. - В голосе Миши не было осуждения, только усталость. - Я на твоём месте поступил бы точно также. Там... там я был единственный, кто мог бы остаться в Союзе и спокойно дослужить свой срок где-нибудь при штабе. А вот другие не могли... У Юрки Лемехова остались под Рязанью мать и сестренка. Из всего нашего взвода, наверно, выжил только я один. - Миша мотнул головой, словно отгоняя видения того последнего для него боя. Валентина Николаевна всхлипнула. Геннадий Петрович грозно взглянул на жену. Она встала и неслышно ушла в спальню.

- Сынок, - снова начал Геннадий Петрович, глядя на стол, - я не могу от тебя что-то требовать. Но просто послушай меня. - Теперь его взгляд был прикован к Мише. - Сегодня утром я был в штабе гарнизона. Им нужен помощник по строевой части. Работа легкая, не пыльная. Бумаги, учет. Пока твоя нога не заживет как следует.

Миша перестал жевать и отложил вилку.

- Спасибо тебе, пап, но нет.

- Да ты хоть выслушай! - Голос отца снова стал твердым, как сталь. - Никто не собирается гнать тебя обратно в строй. Пересидишь тут полгодика, оглядишься...

- Я не буду отсиживаться, - перебил его Миша. Геннадий Петрович узнал в сыне себя самого. В Мише говорило не мальчишеское упрямство, а спокойная, взрослая рассудительность. - Я уже все решил. Буду поступать. В институт.

За столом стало тихо. Валентина Николаевна, снова стоявшая в дверях кухни, опершись о косяк, замерла с полотенцем в руках.

- В какой институт? - коротко спросил Геннадий Петрович.

- В НЭТИ, Новосибирский электротехнический.

- Почему именно туда? - подала голос Валентина Николаевна. Она подалась вперед, услышав про Новосибирск.

- Специальности там для меня подходящие, - сказал Миша, потом добавил: - Мой друг Юрка мечтал поступить именно в этот институт... - Миша замолчал. Не только мечта его погибшего друга тянула его за Урал. Ему хотелось уехать подальше от всех гарнизонов, от чужих языков, от войны. От всего того, что напоминало бы ему о последних двух годах. Вдруг он вспомнил, как Валентина Николаевна неоднократно упоминала о ее матери, Мишиной бабушке, Анне Семеновне, давно живущей именно в Новосибирске. - И потом... там же баба Аня живет. Мам, помнишь, ты ж сама о ней рассказывала.

Валентина Николаевна задумалась. На секунду. Будто эта мысль пришла к ней только сейчас.

- Да... Мама... - тихо произнесла она, все еще задумчиво. - Она же в Новосибирске.

Валентина Николаевна замолчала, потирая пальцем подбородок. Миша смотрел на мать. Он понял - она уже что-то прикидывает про себя. Снова сын уезжает, снова будет вдали от нее, один. Хотя почему один... Он будет жить с ее мамой, под присмотром. В этом Валентина Николаевна была уверена. Геннадий Петрович помолчал еще немного, посмотрел на жену. Медленно повернул голову к Мише. Его суровое лицо смягчилось. Он не сдался, он принял решение сына.

- Хорошо, - сказал он. - Раз ты решил в Новосибирск, значит в Новосибирск.

- Я напишу маме сегодня же, - сказала Валентина Николаевна, обращаясь к сыну и мужу, - попрошу, чтобы приняла тебя, пока не встанешь на ноги. У нее квартира большая, места хватит. С тех пор, как Клава уехала, комната пустует. Вот ее ты и займешь. И прошу тебя, сынок, слушайся бабушку, помогай ей во всем. И лишний раз не расстраивай.

Миша согласно кивнул матери, чувствуя, как внутри понемногу отпускает. Впервые за долгое время у него появилось направление, а не просто стремление выжить любой ценой. Через два дня, ближе к вечеру, в дверь позвонили, настойчиво, по-свойски. Так могли звонить только два человека - Света и Сергей. Миша из своей комнаты услышал, как Света, влетев в квартиру, на ходу поздоровалась с Валентиной Николаевной и, бросив куртку на табурет в коридоре, ворвалась к нему в комнату.

- Мишк, привет! У меня новость! - Света подскочила к другу, как всегда, на ходу чмокнув в щеку. Миша сидел за своим письменным столом с учебником по физике в руках, который откопал еще со школьных времен. Он поднял глаза на Свету:

- Серый?

Света немного стушевалась, но ее лицо снова обрело радостное выражение:

- Нет. Папу переводят... Знаешь куда?

Миша отрицательно помотал головой:

- Нет. Куда?

- В Союз! - Света плюхнулась в кресло рядом и сложила руки на столе. Ее милая мордашка раскраснелась то ли от легкого морозца, то ли от новости. - В Сибирский военный округ. Его переводят на штабную должность. Приказ уже пришел, через три недели переезжаем. Насо всем.

- В Новосибирск? Серьезно?! - продолжая смотреть в учебник, взволнованно спросил Миша. Его сердце дрогнуло - неужели сама судьба подгадывает так удачно?

- Ну, а куда ж еще, - Света улыбнулась. Миша заметил, что в глазах подружки была не только радость.

- Штаб округа там же. Мама уже контейнер заказала. Заранее, ты ж ее знаешь.

Да, Миша хорошо знал семью Светы. Полковник Владимиров, для них с Сергеем просто дядя Стас, как и отец Миши, кадровый офицер, дослужившийся до полковника, был мягче характером, но никогда не разменивал честь на выгоду и не терпел лжи. Мать Светы, Алла Леонидовна, юрисконсульт Военторга, слыла в гарнизоне «железной леди». Она не делала различий между своей дочерью и ее друзьями. Порой доставалось от нее в свое время и Мише, и Сергею. Об одном разговоре Миша узнал от Светы уже после госпиталя. Когда отец объявил дома о своем решении не хлопотать за сына, Валентина Николаевна в отчаянии пришла к Алле Леонидовне с просьбой повлиять на мужа через ее связи. Та отказала наотрез, и отказала жестко. Она заявила, что спасти своего ребенка ценой чужого - это не материнская любовь, а грех. Что, если ее муж принял решение, значит, считает его единственно правильным. Что она скорее сама отправила бы сына воевать, чем стала бы посмешищем для всего гарнизона. Валентина Николаевна тогда ушла от нее вся в слезах. Но, несмотря на этот разговор, они так и остались подругами. И с тех пор мать Миши больше даже не пыталась заводить подобных разговоров с отцом. Миша оторвался от учебника, посмотрел на Свету. Та молчала, крутя подол своей короткой юбки.

- Значит, поступаем вместе, - сказала она тише, уже без прежнего запала. - Как и договаривались.

- Конечно, вместе, - повторил за ней Миша.

За столом ненадолго повисло молчание. Привычное, с детства, когда слова уже были не нужны. Вдруг Света спохватилась, полезла в карман юбки, и вытащила помятый конверт.

- Ой, Мишк, чуть не забыла. От Серого письмо пришло. На наш адрес. Наверное подумал, что я прочитаю и тебе отошлю.

Света протянула письмо. Миша развернул сложенный вчетверо листок, исписанный крупным, торопливым почерком.

“Светка, привет. Пишу коротко, времени в обрез. Служу в ВДВ, попал в учебку так же, как и планировал. Только вот сюрприз. Нашу часть перебросили в Карабах. Что тут творится, лучше не спрашивай. Напишу, как смогу подробнее. Как там Мишка, отписался уже? Когда прочитаешь, напиши ему от меня. Все, обнимаю крепко. Жду письма. Держитесь без меня. Сергей”

Миша дочитал и медленно опустил руку с письмом на стол. Карабах. Название местности, о котором он слышал только по радио, в сводках новостей. Теперь далекий Карабах вдруг стало для него таким же личным, как Саланг и Кабул. Миша тяжело вздохнул и с тревогой посмотрел на Свету.

- Думаешь, у него всё нормально? - тихо спросила Света, глядя на него в упор, словно искала ответ в его глазах. Но Миша не ответил сразу. Он долго смотрел на конверт, на письмо, на знакомый почерк, и впервые с момента возвращения домой почувствовал, как война, из которой он сам чудом выбрался, снова затягивает его. Уже через близкого друга, оставшегося там, куда он, Миша, уже никогда не доберется.

- Не хочу тебе врать, Светуль, я не знаю, - сказал он наконец. - Будем ждать писем, больше нам ничего не остается.

Ответ от бабы Ани пришел через две недели. Короткое, но теплое письмо, написанное аккуратным, чуть дрожащим почерком. Мама читала Мише и отцу вслух, сидя за кухонным столом.

“Дорогая моя доченька Валюша, зачем ты спрашиваешь моего разрешения. Конечно пусть Мишенька едет. Я так соскучилась по своему внучонку, столько лет его не видела, только на фотокарточках и узнаю. Комната до сих пор свободна, найду, чем покормить, за это не беспокойтесь. Теперь будет с кем поговорить, а то все телевизор да телевизор. Скажи Мишеньке, пусть приезжает. Буду его ждать с нетерпением. Целую, твоя мама” - на последних строчках письма ее голос чуть дрогнул.

На сборы у Миши ушло два дня. Он собирал и укладывал свои нехитрые вещи в старый чемодан, тот самый, с которым вернулся домой из госпиталя. Валентина Николаевна все время сутилась рядом, то и дело что-нибудь подкладывая: то теплый свитер, то банку варенья, то школьный аттестат с выпиской, завернутый в клеенку.

- Адрес бабушки перепиши и Свете оставь, она очень просила, - сказала Валентина Николаевна. - На всякий случай.

Миша кивнул. Вечером со службы вернулся отец. Миша медлил, не зная, как начать. Наконец, решившись спросил:

- Пап, ты можешь узнать... про Карабах? Что там происходит? По газетам и радио не поймешь ничего.

Геннадий Петрович посмотрел на сына долгим, тяжелым взглядом. Затем глухо спросил:

- Тебе то зачем? Ты уже свое отслужил.

Миша поморщился, как от зубной боли. Он до сих пор не мог смириться с напоминанием об Афганистане и его ранении. Но решил ничего не утаивать от отца:

- Серегу Смирнова туда перебросили. Он в письме написал. Ну, так что, узнаешь?

Геннадий Петрович нахмурился, зыркнул на сына из-под бровей:

- Смирнов в Карабахе? - переспросил он. И, помолчав, добавил, понизив голос, будто не хотел, чтобы услышала мать из соседней комнаты: - Узнать-то узнаю. Только вот что я тебе скажу сынок. Как есть скажу, а не как в газетах пишут. Не заварушка там будет, сын. Война. Настоящая.

Миша ничего не ответил на страшные слова отца. Он смотрел, как он спокойно расстегивает китель, пуговицу за пуговицей. И вдруг снова, как наяву, увидел горы над Салангом, услышал грохот фугаса под колесами БТРа, взрыв “наливняка”. Афганистан, Карабах - разные названия, разные горы, но через них тянулась одна нить: чья-то команда, чей-то приказ. А в конце обугленный металл, и тела ребят у раскуроченных взрывами грузовиков, для которых письмо от матери станет в их жизни последним. Миша подумал о Сереге, о его взводе где-то там, в горах. И ему за долгое время стало по-настоящему страшно. Не за себя, за друга. На следующий день пришла Света. Пришла без обычного своего шумного напора. Наоборот, была притихшая, скромная, домашняя. На пороге она сразу сказала:

- Теть Валь, в субботу мама и папа приглашают Вас и дядю Гену к нам, на прощальный ужин. Все придут.

Валентина Николаевна, кивнула и ушла на кухню. Миша и Света остались в его комнате наедине.

- Ну, вот и все, - сказала Света, проводя пальцем по письменному столу Миши. - У тебя сегодня поезд. Разъезжаемся мы.

- Не разъезжаемся, - поправил Миша подругу. - Вы ж после меня через неделю приедете. Вот, кстати, держи адрес бабушки, - Миша вынул из ящика письменного стола бумажку с адресом. Света сложила лист вчетверо и спрятала в карман джинсов.

- Эх, Мишк, - она подняла на него глаза. В них было что-то, чего Миша раньше не видел. Не привычная насмешливая бойкость, не игривость. Тихая, спокойная нежность, какая бывает только между людьми, которые прожили бок о бок рядом целую жизнь. - Понимаешь... Я так привыкла к тому, что ты и Серый всегда со мной. С того самого “горшкового” возраста. - Света невесело усмехнулась.

- Не переживай, Светуль, - уверенным тоном сказал Миша. - Я буду с тобой. Только уже не здесь, а в Новосибирске.

Света улыбнулась, вытерла рукавом нос, будто стесняясь своей же сентиментальности.

- Как мы приедем, я сразу найду тебя. Адрес у меня есть. Хотя из-под земли достану, ты меня знаешь.

- Знаю, - коротко усмехнулся Миша.

Света вдруг порывисто обняла его. По-детски, сильно. Так она обнимала его, когда они мирились после крупной ссоры на школьном дворе. Им обоим тогда было по десять лет.

- Береги себя, Мишк, - прошептала она и привычно коснулась губами его щеки. - Хватит с меня и одного раза, когда я чуть с ума не сошла.

- Постараюсь. Даю слово, - тихо ответил Миша, обнимая ее в ответ.

За три часа до поезда Миша забежал попрощаться с Ириной Альбертовной Смирновой, тетей Ирой, матерью Сергея. самого Константина Сергеевича не было дома, он снова уехал в свою «командировку». Интуиция подсказала Мише, что он отправился именно туда, где сейчас находился его сын Сергей. Тетя Ира по-доброму, как сына, обняла Мишу, пожелала ему хорошей дороги и благополучно освоиться на новом месте. Миша пообещал ей написать, как приедет, чтобы узнать о судьбе друга. Следующей на очереди была семья Владимировых. Станислав Викторович, обычно сдержанный и немногословный в общении, на этот раз обнял Мишу по-военному, похлопав его по спине:

- Ну, солдат, чтобы дорога твоя была легкой... А наша встреча быстрой.

Алла Леонидовна, никогда не проявлявшая эмоций на людях, вдруг смахнула слезу и в свою очередь обняла Мишу за плечи. Лишь сказала на прощание:

- Счастливого доехать Миша. Как обустроимся, ждем тебя на новоселье.

Миша собирался выходить. На улице перед домом уже стоял отцовский «уазик» с его чемоданом. Станислав Викторович, провожавший его до двери, наклонился к самому уху Миши и тихо произнес:

- Михаил, не забывай нас. Ну, будь здоров. - И крепко, по-мужски стиснул руку.

Миша вышли к ожидавшему его «уазу». Еще раз оглядел дом, часть центральной аллеи, аккуратно сел на переднее сидение и захлопнул дверцу. Потер щеку, вспомнил вчерашний прощальный поцелуй Светы. Он был тем, особенным, поцелуем, когда знаешь, что расстаешься не навсегда, а лишь до новой встречи. И знаешь это наверняка.

Глава 6

Лето девяносто первого выдалось душным и тревожным. Миша жил в квартире бабушки на улице Романова и заканчивал второй курс института. Несмотря на свои основные заботы: лекции, конспекты, экзаменационные сессии, Миша со Светой находили время для чтения газет и политических новостей по радио и телевидению. Все это ребята довольно часто по вечерам обсуждали у Светы на кухне. Она жила вместе с матерью, Аллой Леонидовной на улице Державина, буквально в двух шагах от бабы Ани. В редких письмах мама писала, что по слухам их гарнизон вот-вот расформируют. В последнем письме Валентина Николаевна написала сыну, что Геннадий Петрович уже подал рапорт в Минобороны об отставке по состоянию здоровья. Миша несколько раз писал тете Ире, но получил только одно письмо. Она сообщила, что уже давно не получала вестей от мужа и сына.

Однажды ближе к вечеру, оставшись вдвоем на старой бабушкиной кухне, Миша и Света обсуждали последние новости из их родного гарнизона. Внезапно раздался звонок в дверь. Анна Семеновна, шаркая домашними тапочками, пошла открывать. В прихожей Миша услышал до боли родной баритон: -Ну, здравствуй, Анна Семеновна. Не ждала зятя так скоро?

Миша замер с чашкой на полпути ко рту. Он переглянулся со Светой. Та тоже была шокирована, не меньше Миши. Но это был голос отца, ошибиться было невозможно.

- Пап?! - Миша вскочил с табурета, чуть не опрокинув его, и почти бегом, насколько позволяла нога, вышел в прихожую.

Геннадий Петрович в полном обмундировании, сверкая полковничьими звездами, стоял на пороге один, без чемоданов. Только небольшой черный саквояж. Вид у него был довольно усталый. Видимо дорога его здорово вымотала. Рядом стояла баба Аня и радостно улыбалась. Увидев сына, его глаза тут же потеплели.

- Ну, здравствуй, сын. - Он шагнул вперед, крепко обнял Мишу одной рукой, второй он держал саквояж. - Как вы тут?

- Пап, почему ты один? А где мама? - Миша оглянулся за его спину, будто мама могла спрятаться на лестнице.

- Она позже приедет. В конце августа. - Отец прошел на кухню и поставил саквояж на табурет. - А я решил заранее приехать. Надо кое-какие дела утрясти, пока еще есть время.

Анна Семеновна семенила следом за зятем и внуком на кухню. Она уже успела опомниться от неожиданного визита.

- Проходи, Геннадий Петрович, проходи на кухню-то, - суежилась она. - Я, вона, как чувствовала, пирог с утра затеяла.

Света, сидевшая за кухонным столом, во все глаза смотрела на Геннадия Петровича, еще не оправившись от шока. Видимо, она задавала себе те же вопросы, что и Миша.

- Здравсти, дядь Ген, - испуганно поздоровалась она. Потом осторожно спросила: - Есть новости от папы? Вы его видели? Когда он приедет? Мы с мамой уже месяц ничего от него не получаем...

Геннадий Петрович сел за стол напротив Светы, на секунду замялся. Миша сразу уловил эту заминку, он слишком хорошо знал отцовскую манеру держать паузу перед неприятными известиями.

- Есть новости, Света, - сказал он наконец, не поднимая головы. - Обо всем сейчас расскажу. Дайте только отдышаться. Анна Семеновна, золотая моя, налей-ка мне твоего чаю, да покрепче. А то от этой бурды вагонной изжога одна.

Пирог под полотенцем медленно остывал нетронутым. Никто уже и не думал о еде. Геннадий Петрович сидел, сцепив руки перед собой и опустив взгляд на скатерть. Миша смотрел

на отца и видел перед собой не полковника, не сурового офицера, а просто уставшего пожилого человека, которому предстоит сказать что-то тяжелое, неприятное.

- Начну с плохого, - сказал он наконец, и в кухне стало совсем тихо. - Костя..., - он кашлянул в кулак. - Константин Сергеевич погиб. В Карабахе.

Света охнула, зажав рот ладонью. Ее глаза мгновенно налились слезами. Миша сидел неподвижно и молчал. Слова Геннадия Петровича о смерти отца Сергея не сразу дошли до его сознания. Он вперил свой взгляд в лицо отца.

- А Серега? - наконец выдавил он.

- Тяжело ранен. Там же, в Карабахе. Сейчас лежит в госпитале, в Москве. - Отец посмотрел на сына прямо, тяжело. - Жив он, Миша, жив. Врачи говорят, организм молодой, выносливый. Выкарабкается. О смерти отца еще не знает. Врачи запретили ему сообщать, пока состояние не стабилизируется.

Света беззвучно плакала. Анна Семеновна, ничего не говоря, обняла ее за плечи, притянула к себе, как маленькую. Миша молчал, глядя в одну точку на клеенке. Бедная тетя Ира. Он понял, почему от нее был один-единственный ответ на его письма. Она знала. Знала и молчала, не в силах написать.

- Мама... - тихо начал Миша, подняв глаза на отца.

- Мать приедет с контейнерами, в конце августа, как и было обговорено. - Отец расправил плечи, возвращая себе привычную деловитость, ему так было легче. Потом обратился к Свете: - А отец твой со мной приехал. Сдал все дела по дивизии, получил документы. Ты же его знаешь, Света. С вокзала сразу в штаб округа, отмечаться. Скорей всего он оттуда и Алле позвонил. Так что, встретишь его вечером.

- Значит, дядя Стас уже здесь? - переспросил Миша, посмотрев на Свету, которая вытирала мокрые щеки тыльной стороной ладони.

- Да, - кивнул отец. - Вечером соберемся, обсудим, как дальше жить будем. - Он помолчал, отхлебнул остывший чай. - Кстати, Станислав и мне уже работу нашел. Старшим преподавателем в училище, по штатному расписанию. Хватит с меня бесконечных разъездов и "командировок". Устал я, Миша. Пора уже спокойно пожить в старости. - Геннадий Петрович снова повернулся к Свете:

- Светочка, передай маме, что я поговорил с Валецкой. То место, что она ей предложила... Ну, в общем, Валя согласна. Не хочет пока есть силы дома сидеть. Передашь? И еще. Ира Смирнова тоже с ней приедет. Не может больше одна в гарнизоне сидеть, да и ни к чему уже. Ты уж скажи матери-то, пусть и за Иру похлопочет. Мы же как одна семья.

Света согласно кивнула. Геннадий Петрович вдруг улыбнулся и хитро подмигнул Свете:

- Аллочка хорошо пристроилась, - сказал он с усмешкой. - Заместитель главы администрации Центрального района, ни много ни мало. И Стас... - он не договорил. За столом снова повисла тишина. И в ней было не только горе, но жизнь, продолжающая идти своим чередом даже рядом с бедой, требующая своих решений, работы, устройства. Миша с надеждой посмотрел на отца:

- Пап, а Сереге можно написать? - спросил он. - Ну, в госпиталь.

- Адрес узнаю, тогда и напишешь, - коротко ответил отец.

Вечером, как и договаривались, собрались у Владимировых, в большой трехкомнатной квартире на втором этаже, доставшейся Станиславу Викторовичу вместе с новой должностью в штабе округа. Алла Леонидовна накрыла стол по-простому, без изысков, как привыкла еще в гарнизоне: отварная картошка, селедка, банка малосольных огурцов, привезенная еще из гарнизона. О прошедшем тяжелом дне никто вслух не вспоминал. Но мысли сидевших за общим столом в большой кухне были об одном: о погибшем капитане Смирнове, о его сыне Сергее, проходящем лечение в московском госпитале, о его жене Ирине, все еще находящейся в гарнизоне. Разговор долго крутился вокруг бытовых проблем: кто где будет прописан, кому какие

льготы положены, кто где будет получать спец пайки, как оформить съемное жилье. При упоминании о съемном жилье Геннадий Петрович отставил стакан с чаем и заговорил тем ровным, безразличным тоном, каким обычно докладывал начальству о выполненном задании:

- Я тут вот что подумал. Я квартиру буду покупать. И не одну, а сразу две.

Разговоры за столом сразу прекратились, и на кухне стало тихо. Миша поднял глаза от тарелки.

- Пап, зачем нам две квартиры? Нам и одной за глаза хватит.

- Одна для нас, - коротко ответил отец. - Вторая... Вторая на будущее.

- На будущее? На чье будущее? - не понял Миша.

Света, сидевшая рядом с ним и хрустевшая огурцом, всем телом повернулась к другу:

- Как это чье? Твое, конечно, чье же еще. - Света сказала это так, будто вопрос был из разряда "сколько будет два плюс два". - Дядь Ген правильно решил. Спроси у мамы - квартиры сейчас дешевые, кооперативы разваливаются, все продается за бесценок. Пойми ты, Мишк, пройдет еще года три-четыре и все, за такие цены ты и на окраине не купишь. А так у тебя будет своя крыша. Особенно когда жена, ребенок... Или ты решил с женой у родителей или у бабушки ютиться?

- Я сам себе куплю, - упрямо сказал Миша, не глядя на Свету. - Сам заработаю. Своими руками. Своей головой.

Алла Леонидовна отложила вилку с нанизанной на нее картофелиной и посмотрела на Мишу. В ее взгляде была не только привычная строгость, но какая-то мягкая прямота, с какой она обычно разговаривала с дочерью.

- Миша, послушай меня минуту. - Она произнесла это спокойно, не повышая голоса, и это спокойствие было весомее любого крика. - Это не родительская подача и не попытка тебя купить. Я знаю твоего отца слишком хорошо, чтобы подумать такое. Он своим здоровьем и своей кровью заработал эти деньги. Просто пойми - время сейчас такое. Если у него есть возможность купить квартиру для себя и своей семьи, грех отказываться. Ты сейчас молодой, гордый. Только, Миша, гордость хороша тогда, когда ты не думаешь, что завтра будешь есть и во что будешь одеваться. Ты сам видишь, страна разваливается на глазах, и глупо отворачиваться от того, что тебе же на пользу.

Алла Леонидовна говорила именно так, как сказала бы ему его мать, не поучая, а подсказывая по-родственному, без давления. Миша в полном молчании смотрел на Аллу Леонидовну, потом его взгляд уперся в скатерть. Наконец он выдавил:

- Ладно. - По голосу все поняли: он не сдался, а только отступил. - Пусть будет вторая квартира. Но я хочу, чтобы вы знали. Я сам зарабатываю и не сижу на шее у бабушки.

- То есть как зарабатываешь? - насторожился отец.

- А так. Работаю по вечерам охранником, в одном из новых коммерческих банков. Тот, что недавно открылся, на Кирова. Ночная смена, три раза в неделю. И бабе Ане лекарства покупаю, на свои.

Все за столом переглянулись. Новость, услышанная от Миши, действительно вызвала удивление. На кухне снова стало тихо, но это уже была другая тишина. Геннадий Петрович смотрел на сына, будто видел его первый раз в жизни. Так он смотрел на вокзале, после Афгана.

- Ты молодец, сын, - наконец сказал Геннадий Петрович. Голос слегка дрогнул, в нем пробила гордость, которую он не привык показывать. - Молодец. Не прячься от жизни. Не отсиживаешься.

- А то! - усмехнулся Станислав Викторович, разливая по стаканам коньяк. - Весь в отца!

Алла Леонидовна, довольная тем, что дело улажено, снова взяла деловой тон:

- Гена, с квартирами я вам помогу, и подобрать, и оформить. У меня в комитете по имуществу уже есть свои люди. Все сделаем без обмана и без переплаты. - Она на секунду задумалась, вспоминая что-то еще. - И вот что. Иру я тоже возьму на себя. Насколько я помню,

она ведь в гарнизонном ателье мастером по пошиву была, у нее золотые руки. Устрою ее у знакомой, она ателье держит в центре. Между прочим, лучшее в городе. Туда так просто не берут. Поговорю с Тоней, устроят ее сразу, без испытательного срока. Ире как воздух сейчас работа нужна. Не дело, чтобы вдова офицера ходила с протянутой рукой. Стоп! У нее же еще дочка есть, или я ошибаюсь?

Света кивнула:

- Да, мам, Вика, то есть Виктория... Серегина сестренка.

Алла Леонидовна слегка потерла лоб:

- Дочь устроим в школу здесь же. Это не проблема.

На этом всеобщее семейное собрание было окончено. Миша с отцом вернулись в квартиру Анны Семеновны. Геннадий Петрович не стал все рассказывать теще, незачем обременять лишними мыслями голову старой женщины. Сказал просто, мол, покупаю квартиру перед приездом жены. Потом все вместе переезжаем в нее. И добавил, что Алла определила ей социального работника. Чтобы лекарства покупала, продукты, сопровождала по врачам. Сказано это было таким категоричным тоном, что Анна Семеновна даже боялась что-либо возразить зятю. Только согласно кивала головой, как китайский болванчик.

Как и обещала, квартиры Алла Леонидовна помогла оформить быстро и без лишней волокиты. Уже к сентябрю девяносто первого года Геннадий Петрович получил ключи от обеих квартир. Одна, трехкомнатная, тоже на улице Державина, рядом с Владимировыми, теперь полностью принадлежала семье полковника Шумского. Вторая, двухкомнатная в новом доме на улице Кирова, была тайно оформлена на имя Миши. Геннадий Петрович и Валентина Николаевна с самого начала понимали: эта квартира, как и квартира Анны Семеновны, инвестиция в будущее их сына.

В конце августа приехала Валентина Николаевна. Приехала не с пустыми руками - два контейнера, забитые мебелью, домашними вещами и электроприборами. Во втором контейнере привезли машину Геннадия Петровича, купленную им незадолго до расформирования гарнизона - темно-синюю "Ауди 80", гордость старого полковника. На новосибирском вокзале Валентину Николаевну, уставшую в дороге, но помолодевшую, словно она скинула с плеч груз многолетних гарнизонных переездов, встречал Миша вместе с отцом. Обнимая мать, Миша искренне радовался, что семья, наконец, снова собралась под одной крышей. После обустройства Алла Леонидовна быстро подыскала работу Валентине Николаевне. Врач-гинеколог с многолетним стажем для городских больниц Новосибирска была на вес золота. Звонок главврачу одной из гинекологических больниц и Валентина Николаевна уже была принята на должность старшего ординатора отделения плановой хирургии. По договоренности с главврачом, она работала только в дневное время пять дней в неделю. В первый рабочий день она вернулась домой взволнованная, как студентка после экзамена. В этот вечер вся семья Шумских собралась на кухне Анны Семеновны и Валентина Николаевна подробно, в деталях, рассказывала о том, как прошел день, о новых сослуживцах и порядках в больнице. Анна Семеновна слушала дочь, кивала, подливала чай. Никто из сидящих рядом с ней тогда даже не думал, что жить старушке осталось меньше полугода.

Анна Семеновна умерла в феврале тысяча девятьсот девяносто второго года, в своей квартире. Ушла тихо, во сне: остановилось сердце. Миша в это время был на занятиях. Пришел вечером проведать бабушку и застал в ее квартире непривычную, придавленную тишину. Вызвал скорую, позвонил родителям. Он долго винил себя, что не заметил, ничего не почувствовал. Бабушка в последние недели ни на что не жаловалась. Ну разве что все чаще и чаще присаживалась отдохнуть на кухне, объясняя это старческой ленью и возрастом. За те два года, что Миша прожил у нее, Анна Семеновна была для него не просто родной бабушкой, она была единственным человеком, с кем можно было посидеть вечером просто так, спокойно и без того напряжения, какое всегда невольно проскальзывало в его отношениях с отцом. Даже к

Свете Анна Семеновна относилась по-доброму, ласково. Света иногда приходила к ней без Миши, просто посекретничать о своем, женском. Она по-своему любила старушку, которая старалась относиться к девушке как к родной внучке. Такое отношение все больше и больше привязывало Свету к Мишиной бабушке. Хоронили Анну Семеновну всей семьей, вместе с Владимировыми. Миша не помнил сами похороны, они прошли как в тумане: могила, гроб, батюшка с раскачивающимся кадилом, фигуры в черном, размытые лица: мамы, Светы, Аллы Леонидовны, тети Иры; на поминках Миша почти не говорил, только смотрел на опустевший бабушкин табурет у плиты.

Светлым пятном в ту тяжелую зиму стала новость о Сергее. Света позвонила Мише рано утром, перед лекциями в институте. Он слышал крайне взволнованный голос подруги и не мог поверить своим ушам: Сергея переводят из московского госпиталя в новосибирский, поближе к семье. Света, не в силах сдержать радости, кричала в трубку:

- Мишк, врачи сказали, что его состояние стабильное! Он уже может самостоятельно двигаться, хоть и не долго. Но это только пока! Главное - Серый идет на поправку!

Сразу после лекций Миша со Светой поехали в госпиталь, встретиться с близким другом. Их обоих провели к палате и оставили одних. Миша долго стоял у двери, не решаясь сразу ее открыть. Он с болью смотрел на Свету. Он снова и снова переживал внутри себя свое собственное ранение и ему было страшно увидеть израненного друга. Каждый раз он брался за ручку двери и каждый раз рука соскальзывала с холодной деревяшки. Света не торопила Мишу, она понимала его состояние. Он должен сам открыть, понять, что Серый жив, что война для них уже закончилась. Навсегда. Наконец, они вошли в палату. Когда дверь скрипнула, Сергей, лежа на больничной койке, повернул голову и попытался приподняться, помогая себе здоровой рукой. По его сильно исхудалому лицу расплзалась знакомая улыбка. Он сутулился, раненая правая рука слушалась плохо. Миша, чуть прихрамывая, подошел к койке и покачнулся. Схватился за изголовье. По щекам проползли две крупные слезинки. Миша тяжело присел на стоявший рядом с тумбочкой табурет, медленно вытянул раненую ногу и только потом смог обнять друга, стараясь не задеть его раненую руку. В этом объятии было все: радость встречи, сильные душевные переживания, почти физическая боль за близкого друга. Миша не видел, как скривилось в гримасе лицо Сергея, как сильно дрожала его здоровая рука, лежащая на его спине. Света стояла рядом, с другой стороны больничной койки. Она, не скрываясь, плакала в голос, с надрывом, как плачут по покойнику. В палате стояла гробовая тишина. Никто из раненых, лежащих рядом, не посмел нарушить встречу этих двух молодых парней, прошедших ад войны и выживших наперекор судьбе. Наконец, Миша выпустил из своих объятий Сергея и тот откинулся на подушку. Посмотрел на Мишу:

- Ну, здоров, бродяга, - сказал он хрипло, дрожащим от сильного волнения голосом, - Гляжу и тебя жареный петух успел клюнуть. Ничего, Миха, ничего. Подлечат нас и снова станем как прежде... - Он повернул лицо к Свете:

- Светк, да не реви ты так. Видишь же, живой я. Правда, не совсем здоровый. Давай, обниму тебя как раньше. Мы так долго не виделись. - Сергей протянул к ней здоровую руку. Света, всхлипывая, присела к нему на койку, взяла его руку в свои, прижала к груди. Говорить она не могла из-за душивших ее рыданий.

- Ну, студенты, рассказывайте, как вы тут без меня?

Радость от встречи была настоящая, но недолгая. Очень скоро разговор уперся в молчание, которое им, троим, было понятно без слов. Про смерть отца Сергей узнал еще в московском госпитале, спустя месяц после того, как он немного окреп. Сейчас, глядя на Мишу, он с болью произнес: "Миха, я даже не успел с ним проститься". Миша, не говоря ни слова, положил руку ему на здоровое плечо. Сказать было нечего. Он и сам слишком хорошо знал, каково сейчас другу. Единственная новость, от которой Сергей немного воспрял духом - его мать и

сестра здесь, в Новосибирске. Друзья не стали посвящать его в подробности. В свое время он сам все узнает. Света, оправившись от волнения и слез, просто сказала:

- Серый, тетя Ира с Викой теперь совсем рядом с нами живут. Работает в ателье, в центре.

Сергей удивленно посмотрел на Мишу, потом на Свету:

- Как это вышло? - в его тоне сквозило неверие.

- А я почему знаю, - Света последний раз шмыгнула носом и пожала плечами с таким невинным видом, что Миша едва сдержал улыбку. Он отлично знал, чьих рук дело. Но Алла Леонидовна строго-настрого наказала не распространяться о ее помощи. Ни одной живой душе. Ей не хотелось, чтобы Ирина чувствовала себя обязанной ей за помощь. Пусть вдова боевого офицера просто радуется хорошей работе, полученной ей по заслугам.

С этого дня друзья взяли Сергея в оборот основательно. Навещали его по очереди, приносили книги, домашнюю еду, фрукты. Делились институтскими новостями и сплетнями. Мише и Свете не хотелось, чтобы Сергей чувствовал себя вырванным из жизни. Мать, Ирина Альбертовна, тоже каждый вечер после работы приезжала к сыну, рассказывала ему об успехах Вики в школе, о своей работе. Они ни словом не обмолвились о смерти Константина Сергеевича. Эту боль каждый из них хранил глубоко в душе, как очень дорогую семейную реликвию, не доступную для чужих глаз. На выходные она приезжала вместе с Викторией, для которой старший брат уже стал легендой, о которой она с гордостью рассказывала в школе своим новым подругам. Восстанавливался Сергей все лето, упорно разрабатывая раненую руку. Но как он не старался, пальцы так и не восстановили свою чувствительность и слушались плохо. Единственное, чего он добился тренировками - теперь он мог, пусть криво, но писать. К осени Сергей сумел добиться главного. Он поступил, как и мечтал, в инженерно-строительный институт. Одно немного огорчало: два потерянных на лечение года никуда не делись и он, вместо своих ровесников, оказался среди вчерашних школьников, на первом курсе. Имея упертый характер и хорошо тренированную память, Сергей очень скоро, к зиме, сдал экстерном экзамены за первый и второй курс. В сентябре он уже начал учебу на третьем курсе. Тем временем Миша со Светой уже перешли на четвертый курс. Они еще не догадывались о событиях, которые полностью перевернут их жизнь. События, которые еще крепче свяжут их между собой, крепче, чем семейные узы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.